

INSTITUTE

Варвара Оськина

Инсинуации

*Одно балное сердце
для одной
балльной души*

18+

Варвара Оськина

Инсинуации

Серия «Как ориджинал»

<https://litres.ru/60098463>

Инсинуации: SelfPub;

ISBN 978-5-17-161630-4

Аннотация

<p>Элис Чейн повезло: она выиграла шанс обучаться в самом престижном университете страны и целых шесть лет, несмотря на слабое сердце, выгрызала в граните наук тоннель в свое светлое будущее. Она верила, что справится. Но жизнь полетела кувырком, когда в ночном клубе, а затем в лекционной аудитории Элис столкнулась с профессором Джеральдом Риверсом – гениальным разработчиком искусственного интеллекта, повесой и весьма эпатажной личностью. И чем больше Элис его узнавала, тем труднее казалась задача не влюбиться в этого человека всем своим больным сердцем.</p>

Содержание

Плейлист	5
Часть 1	7
Глава 1	7
Глава 2	34
Глава 3	62
Глава 4	86
Конец ознакомительного фрагмента.	102

Варвара Оськина

Инсинуации

*Инсинуация – порочащее кого-либо
клеветническое утверждение*

Copyright © Оськина Варвара, 2024

© Алымова Дарья, иллюстрация на обложке

© ООО «Издательство АСТ», 2024

Плейлист

Queen – Innuendo

Bee Gees – Stayin' Alive

Queen – Death On Two Legs

Джимми Пейдж, Роберт Плант – Immigrant Song

Fun. – We Are Young

James Horner, Will Jennings – My Heart Will Go On

Bernie Taupin, Elton John – I believe in love

Slade – Coz I Luv You

Дженис Джоуплин – Mercedes Benz

Оззи Осборн – Mama I'm Coming Home

Muse – Madness

Элис Купер – Skeletons In The Closet

Muse – Supermassive Black Hole

Merrill, Styne – People

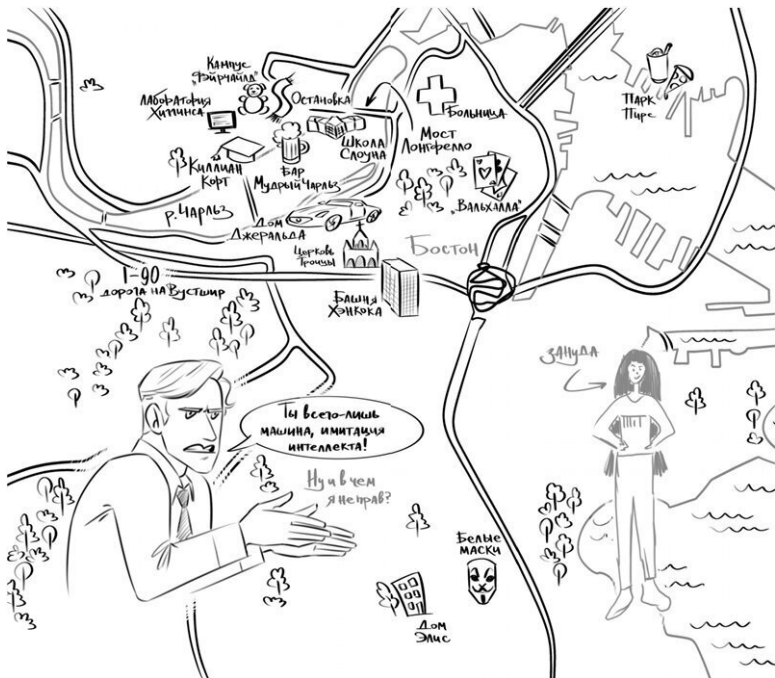
Uriah Heep – July Morning

RHCP – Californication

Queen – Sheer Heart Attack

Depeche Mode – Personal Jesus

Muse – Something Human

Часть 1

Глава 1

Элис Чейн открыла глаза и сладко потянулась. Она бросила взгляд на часы и застонала: стрелки показывали половину одиннадцатого утра. Рано. Слишком рано для ее уставшего организма. Однако последнее в этом городе лето стремительно подходило к концу. Через год Эл скажет «ариведерчи» хлипкой квартире, безжалостному институту и неадекватным соседям, которые днем не давали заниматься, а ночью – спать. До начала финального забега к вожделенному диплому оставались сутки, впереди ждали девять месяцев суровой магистерской программы, но Элис уже была готова упасть в объятия этого удивительного мира. Жизнь едва начиналась.

В знаменитый на всю страну Массачусетский технологический институт Элис попала волей удачи, упрямства и, хотелось надеяться, таланта. Воспитанница католического приюта для сирот при Аббатстве Святой Марии вряд ли могла надеяться на везение в жизни, но страсть к программированию привела Элис сначала на компьютерные курсы, а потом и на национальную Олимпиаду, где она познакомилась с Джошуа О'Нили. Они стали как брат и сестра. Одноййцевые

близнецы, порожденные великой Матрицей. И, пожалуй, на свете не было пары контрастнее, чем бледная, анемичная Эл и высокий темнокожий кениец – ярый фанатик всего, что палялось. В шестнадцать Джо утешал ее после неудачной влюбленности, в семнадцать она знала все секреты своего друга.

Никто не удивился, когда они решили поступать в Мекку для всех программистов – Массачусетский технологический. Но если родители Джо без лишних разговоров были готовы платить за его обучение, то Элис... Ей приходилось рассчитывать лишь на себя, свои мозги и руководство университета, которое согласилось бы назначить стипендию. И Элис ее выиграла.

Однако попасть в лучший университет страны оказалось проще, чем задержаться хотя бы на пару семестров. Уже к первой сессии нагрузка, ответственность и учеба довели до нервного срыва половину поступивших. И хотя Элис была готова к труду, цена, как выяснилось много позже, оказалась непомерно высока. Мучившие Элис с детства слабость и боли в груди усиливались с каждым прожитым в стенах Массачусетса днем и однажды привели на порог реанимации. Это случилось в канун Нового года. Тогда же Элис узнала, что ее бледная кожа с синими венами отнюдь не благородное наследство неизвестной матери, а диагноз, который больше походил на приговор. Врачи называли это врожденным пороком, Джо – невезухой, а Эл... Что же, со всей своей молодостью и упрямством она закрыла на это глаза. Второго шанса

попасть в университет уже не будет, поэтому придется стать чуть осторожней, но, сцепив зубы, продолжить забег между аудиториями, проектами и экзаменами.

Но теперь, спустя долгих шесть лет, обучение подходило к концу. Два семестра и последние тесты отделяли от финала. И оставалось только надеяться, что Эл выдержит этот непростой год. Она вздохнула.

Неожиданно под окнами раздался оглушительный рев автомобиля, а снизу послышалась соседская ругань, выдернув Элис из мечтательного состояния.

Вторая из двух крошечных спален квартиры, что располагалась не в самом благополучном районе, была наполнена шумом Бостона. Громко кричали дети, а кто-то орал отборным геттовским матом с вьетнамским акцентом всякий раз, когда рядом с аппендиксом улицы с ужасающим грохотом проносились грузовики. Близость железной дороги то и дело напоминала о себе дребезжанием стекол и летевшей круглый год пылью. В общем, этим утром жизнь в Дорчестере¹ была такой, как всегда: шумной, немного грязной и совершенно нескучной, особенно ночью.

Элис снова потянулась, почувствовав, что натруженные за три рабочих дня ноги ничуть не отдохнули. Ничего нового. Поднявшись со стоном с кровати, она включила на ноутбуке местное радио и в сопровождении хита Queen и Дэвида Боуи направилась в душ. Стоило поторопиться. Смена в «Валь-

¹ Один из самых неблагополучных районов Бостона. Считается гетто.

халле» начиналась через пару часов, а дядюшка просил разобраться с бумагами.

Меценат и филантроп Клаус Кестер имел сомнительную репутацию, несмотря на занятие благотворительностью и покровительство аббатству, где росла Эл. Как любой мафиози, он был сложным, однако в Элис видел образ давно погибшей дочери, ну а она нашла такую нужную каждой сироте опору и фигуру если уж не отца, то доброго дядюшки точно. Кестер владел престижным бостонским клубом, где каждый вечер собирались отборные молодые и стильные транжиры, и два раза в неделю Элис подрабатывала там администратором, помогая с бумагами, которые дядюшка Кестер отчаянно ненавидел.

* * *

Хлопанье двери и щелчок закрывшегося замка раздалось в тот момент, когда Элис расчесывала еще влажные волосы. Именно густая, золотисто-каштановая шевелюра по праву считалась главным (и единственным) украшением мисс Чейн, если вы, конечно, не любитель трупов посвежее. Слишком маленькая, слишком худая, слишком бледная из-за болезни, Элис имела чудовищно тонкие конечности, заостренное, точно у фенека, личико и уставший взгляд. В общем, с первого же взгляда становилось понятно, что все предназначенное живому организму здоровье ушло именно

в волосы, сосредоточившись в трех десятках дюймов² блестящих прядей и проигнорировав остальное тело. Так что Элис была весьма критична к себе и даже восторги близких принимала с изрядной долей скепсиса, ведь ни дядюшка, ни друзья никогда не видели тонкую, точно пергамент, кожу, под которой змеился отвратительный рисунок вен, и диагноз в медицинской карте. Никто, кроме Джо, не знал, что на самом деле происходило с их Эл. Но О'Нили всегда был исключением.

– О, чудо! Пуговка, ты дома? – Вопль Джошуа перекрыл орущую из динамиков музыку, на что Элис лишь покачала головой и вышла из ванной. Хлопок крышки ноутбука, и музыка стихла.

– Нет, всего лишь тень отца Гамлета решила станцевать под чей-то очередной хит. – Прозвучавший в тишине саркастичный ответ вызвал на лице друга улыбку. – Я не ждала тебя раньше завтрашнего вечера. Что-то случилось? Как родители?

– Все прекрасно. – Скинув в углу стоптанные кроссовки, Джо стянул посеревшую от времени футболку с алой надписью «*Только на черном небе могла засиять звезда веры!*» и прошлепал босыми ногами в направлении холодильника. Открыв помятую дверцу, он заглянул внутрь, и его пухлые губы тут же скривились. – Есть что-нибудь перекусить, женщина?

² Около 76 см.

Элис замерла, уперев руки в бока.

– Эй! Наличие у меня женских половых органов не означает, что я обязана стоять у плиты ради счастья твоего желудка. Для этого у тебя есть Арнольд.

– Да просто уже признай, что за шесть лет так и не научилась готовить.

Они снимали эту квартирку с первого дня, как на них перестал распространяться приказ об обязательном проживании в общежитии. И с незначительными изменениями подобный диалог повторялся все последние годы. Нет, Элис, пытаюсь найти в себе хоть одно из типичных женских начал, честно пробовала подружиться с кастрюлями и каждый раз терпела сокрушительную неудачу. Но однажды она окончательно плюнула на все попытки, когда пришлось доставать огнетушитель и перекрашивать потолок из-за копоты и подпалин. Джо тогда наотрез отказался подпускать ее к кухне, а хозяин жилища не выгнал их исключительно по причине тотального пофигизма. Так что сейчас Джошуа расслабленно ухмыльнулся и, выудив из потайного шкафа пачку чипсов, со стоном блаженства рухнул на диван. Друг прекрасно знал, что Эл нельзя много соли. Знал он и о том, что устоять против «Принглс» она не могла.

– Я не отрицаю этого. – Она вернулась к расчесыванию почти высохших волос. – Так что ты здесь делаешь? Ведь до начала семестра целые сутки.

Рассеянность Джошуа и его полная неспособность усле-

дить за собственным расписанием тоже давно стали привычной темой для шуток. В их конгломерате именно Эл следила за занятиями, временем и прочими вещами, требующими собранности и ответственности, а Джо следил за ней.

– Генри написала, – скривился он. – Хиггинс хочет меня видеть. Надо обсудить выпускную работу.

– Странно, мне она ничего не говорила...

Элис нахмурилась, закусив и без того обветренную нижнюю губу. Они оба писали дипломы под руководством профессора Хиггинса. И так как тот вечно пропадал на каких-нибудь конференциях с выставками, всех курируемых выпускников в его плотное расписание втискивала аспирантка Генриетта Келль, а лучше просто Генри. Эта белокурая синеглазая валькирия с ангельским лицом обладала внушительным ростом и очень тяжелым характером. Создавалось впечатление, что сам профессор иногда побаивался своей подопечной.

– Да успокойся ты, – перебил Джо, закатывая глаза и стряхивая крошки. Прямо на диван! – Вы с Хиггинсом два года дрожите над проектом, что тебе еще с ним обсуждать? Сиди и пиши свой код. А у нас вот проблема... Заказанные три месяца назад печатные платы пришли с браком. Изготавливать новые времени просто нет.

– И что же теперь делать? – ахнула Элис, садясь рядом с другом и незаметно протягивая руку к упаковке. Фокус не удался.

– Ну, либо частично менять схему исходя из того, что имеем, либо травить³ самим...

– Каменный век.

– Пуговка, каменный век – это бейсик⁴, – назидательно протянул Джо. – А травление плат кислотой – вечная классика.

– Мне бы сейчас обидеться, но некогда.

Элис встала, подхватила с дивана куртку и торопливо зачихнула в сумку. Погода в Бостоне любила играть в догонялки с туманом, а уж про перепады температур в течение дня нечего было и говорить. Такой климат был явно не для них: Элис постоянно мерзла, а Джошуа никак не мог вовремя купить новые кроссовки.

– Ты сегодня в ночь у Кестера?

– Да, – кивнула она, задумчиво оглядывая гостиную на предмет забытых вещей.

– Тогда отоспишься завтра. – Друг тоже поднялся и опять потащился в сторону холодильника, на ходу почесывая кудрявую голову. Он явно не оставлял попыток найти что-нибудь съедобное.

– Увы, я завтра с первой пары в строю. – Элис наконец-то нашла свои наушники под ворохом очередных кардиограмм, чьи бесконечные свитки не укрылись от взгляда Джо.

³ Процесс выжигания кислотой проводящих линий на пластике. Используется в примитивной схемотехнике.

⁴ Один из первых языков программирования.

– Ты снова была у врача? – Его голос стал трагично тихим и обеспокоенным, отчего Элис поморщилась. Она ненавидела, когда начинали мусолить ее «сердечный» вопрос, а Джо – когда от него что-то скрывали.

– Да, – чуть более резко, чем следовало, отозвалась Эл в надежде, что расспросы на этом закончатся. Но тщетно.

– Опять боли? – И снова этот встревоженный взгляд! Даже белки глаз темнокожего Джо настороженно заблестели.

– Ничего серьезного.

Она мотнула головой, постаравшись выглядеть как можно беспечнее. Но с тем же успехом можно было сразу сказать правду. Обманывать Элис никогда не умела, особенно это не удавалось с Джо. Вот и сейчас парень поджал губы, сердито посмотрел на подругу, а она вздохнула и сдалась. Как обычно.

– Просто выписали очередные таблетки.

– Более сильные. – Это было утверждение. Он скрестил руки на груди, глядя на нее в упор. Как же Элис бесили такие взгляды!

– Я бы не сказала... – Она натянула форменную юбку и закрутила волосы в гладкий объемный пучок. Заколки в очередной раз сбежали на поиски лучшей жизни, так что пришлось воспользоваться подручными средствами в виде пары длинных карандашей.

– Значит, прошлые уже недостаточно эффективны?

– Джо, подбор препаратов не производится по щелчку

пальцев. С моим диагнозом приходится искать обходные пути.

– Так все же боли были.

Элис вздохнула. И почему она каждый раз пытается отпираться? Джошуа видел все ее приступы, сам отвозил в больницу, когда бывало особенно тяжело. Да за последний год они вызывали скорую чаще, чем за предыдущие пять.

– Были.

– Мне кажется, твои врачи просто теряют время. – Он уже был не на шутку взволнован, но Элис лишь закатила глаза.

– Ты прекрасно знаешь, что на операцию у меня нет денег. Спасибо хоть на страховку и лекарства зарабатываю, и то благодаря Кестеру.

– Можно попросить у него...

– Нет! – отрезала Элис. – Он и так достаточно для меня сделал, чтобы я еще пустила кровь его кошельку. Ты же знаешь, клуб не приносит запредельных доходов. А Клаус уже стар... Со мной все в порядке, правда.

Она улыбнулась, но Джо остался серьезен, внимательно вглядываясь в потемневшие от усталости глаза Эл, где не осталось и намека на присущую им теплую зелень. Так... грязная кофейная муть.

– Страховка, лекарства, квартира. Мне продолжать? – Элис иронично подняла бровь. О’Нили вздохнул, после чего в два шага сократил расстояние между ними и обнял подругу.

– Глупая гордячка, – пробормотал он.

– Сентиментальный галбой⁵.

Парень хохотнул, размыкая руки, и Элис улыбнулась, когда ласково взглянула на друга.

– Иисус следит за тобой, детка, – подмигнул Джошуа правым глазом, в тысячный раз скопировав жест Спасителя из «Догмы», и глаза Эл непроизвольно закатились сами. Господи, это никогда не закончится...

– Не волнуйся, со мной все будет хорошо. А сейчас, великий надзиратель, можно я уже пойду на работу?

– Проваливай, – махнул он уже с другого конца кухни и взял в руки сковороду. Вот уж кто-кто, а Джо точно мог спокойно побороться за звание лучшего повара если не целой Америки, то уж Массачусетса точно.

– Да закажи ты себе еды, – не выдержала она, наблюдая, как он опасливо нюхал залежавшиеся в холодильнике томаты. Их качество вызывало сомнения еще в день покупки, но продавец давал скидку, так что Элис не сильно задумывалась об их свежести.

– Ты ничего не понимаешь в домашней еде.

– Да куда уж мне, – буркнула Элис, вышла за порог и включила музыку.

«...Сквозь печаль и все великолепие

⁵ Gal – девочка, boy – мальчик, жаргонизм попавшего в диалект слова goluboy.

Не обижайся на мои инсинуации...»⁶

* * *

Элитный ночной клуб «Вальхалла» располагался в самом престижном районе города, неподалеку от мажорного Бэк-Бэй. Правительственные шишки, бостонская элита и золотые детки были завсегдатаями в заведении Клауса Кестера. От публики не было отбоя, вот и сегодня воскресный вечер шел своим чередом. Одни двигались под ритмичную музыку на танцполе, другие предпочитали кутить со своими компаниями, сидя на мягких диванах за отдельными столиками. Мерцающий свет прожекторов преломлялся, искривляясь в клубящемся тумане дымовой завесы, и отражался от инкрустированного серебристым металлом гигантского изображения. Один – верховный бог всея Вальхаллы – возвышался на одной из стен первого этажа и снисходительно наблюдал за гостями клуба.

Элис подошла к барной стойке, жестом показав, чтобы ей налили воды, когда будет секунда, и в очередной раз залюбовалась игрой шейкера в загорелых руках. Об умениях их бармена ходили легенды. Говорили, что совершенно седая Ава Тоши была богиней алкоголя и взрывных напитков. Что, начав карьеру еще в девятилетнем возрасте, она взяла за один

⁶ Queen – Innuendo («Инсинуация»).

год все возможные кубки. Элис лишь знала, что та была родом с Ямайки, курила какой-то чудной ароматизированный табак и обожала зеленые яблоки. А еще что ради нее в клуб приходили ценители умопомрачительных вкусов, и потому иногда становилось обидно, что самой Эл будет так и не суждено испытать на себе мастерство госпожи Тоши.

Впрочем, любая жалость к себе мгновенно исчезала, стоило заметить хотя бы один сочувствующий взгляд. К счастью, так на Элис смотрели лишь трое. Но бога ради! Да, у нее очень больное сердце. Да, много ограничений. Но она не собирается умирать здесь и сейчас! Элис нервно передернула плечами и тряхнула головой, чтобы вынырнуть из резко нахлынувшего раздражения. К сожалению, подобные перепады настроения случались все чаще. Доктор Чен связывал их с возросшей нагрузкой на барахлившее сердце и каждый раз просил не нервничать понапрасну. Ха! Даже если не брать в расчет безумный университет, работа администратора предполагала умение оперативно решать любые вопросы как с клиентами, так и с поставщиками. Какое уж тут спокойствие. Безупречная вежливость, проклятая стрессоустойчивость и запас терпения, как термоядерного топлива на солнце, – результат железного самоконтроля и алмазиевого характера. Элис могла хладнокровно поставить на место зарвавшегося торговца или, мило улыбаясь, сдать в руки бравым полицейским особо разгулявшегося гостя. И прямо сейчас одна из компаний как раз требовала ее пристального внимания.

Группа из трех человек расположилась в самом тихом уголке недалеко от бара первого этажа. Мужчина и две его одинаково красивые, вычурно одетые спутницы отчего-то проигнорировали VIP-зону наверху и уселись в отдалении от диджея. То ли им было все равно, то ли выпили слишком много, чтобы осилить два пролета крутой лестницы. Тем не менее сейчас успешный волк с какой-нибудь очередной Уолл-стрит вольготно устроился между чуть ли не пищащими от восторга девушками, закинул руки на спинку дивана и что-то им рассказывал. Его расстегнутая на три пуговицы белоснежная рубашка светилась в ультрафиолетовых лучах ночных ламп. Дамы заливались неестественно веселым смехом, развязно улыбались покрашенными ртами и с каждым разом придвигались все ближе, пока не повисли на спутнике окончательно, запустив ручки под белую ткань, где теперь проводили длинными коготками по темнеющей в полумраке коже.

Элис нахмурилась, а Один на противоположной стене сердито блеснул наконечником копья. Гости пока не перешли границы морали и не нарушали правила клуба, но были опасно близки к этому. Если так пойдет и дальше, ей придется вежливо попросить их удалиться. Только в этот раз отчего-то было совсем непонятно, почему вместо равнодушной привычной уверенности в Элис проснулось иррациональное желание сбежать. Она пыталась наблюдать исподтишка, не привлекать к себе ненужного внимания, но взгляд то и дело

возвращался к озаряемому медленными лучами прожекторов мужскому лицу. С такого расстояния и в полумраке зала мало что удалось уловить, но Эл с удивлявшим ее упрямством все равно старалась рассмотреть ускользавшие черты. Прямой нос, восхитительно высокий лоб, идеально очерченные впалыми щеками скулы. Иногда резким движением головы мужчина откидывал падавшие на глаза волосы, чем открывал взору шею и острый подбородок, а иногда так наклонялся, что можно было заметить резкие линии около напряженного рта. Интересный. Очень интересный. Ох, кого здесь обманывать? Элис уверенно могла сказать, что гость был бы чертовски привлекателен, даже красив, не улыбайся он так жутко. Широко, смело, но в этом оскале проскальзывало что-то не то. Каждый раз, стоило одной из девушек жеманно сболтнуть очередную чушь, его будто натянутые нитью губы приоткрывались и обнажали флюоресцирующие в темноте зубы. Элис никак не удавалось избавиться от впечатления, что у лица двигалась только нижняя часть, оставляя безучастными чуть прищуренные глаза. Выглядело это неестественно и так пугающе, что Эл передернула плечами и попыталась избавиться от непонятного чувства, что поселилось где-то в районе солнечного сплетения. Страх не было, скорее необъяснимая беспомощность. Но с чего бы? Хотя немного забавно, что его отретушированные идеальные спутницы, казалось, не замечали продиравшей холодности предмета их вождения.

Тем временем одна из женских ручек нырнула под стол, и Элис фыркнула, заметив появившееся на лице мужчины снисходительное выражение. Вот мудак. Она уже было дернулась в их сторону, желая пресечь проблему аморального поведения еще в зачатке, но сразу остановилась. Гость вернул пропавшую конечность хозяйке, перед этим галантно поцеловав украшенные массивными кольцами пальцы. В наклоне его головы читалось одновременно и извинение, и обещание большего, но чуть позже. Недурно. Сексуальный ублюдок явно знал себе цену и не собирался опускаться до плебейского соития в туалетной кабинке, за что Элис была ему благодарна. «Вальхалла» славилась именно тем, что здесь бостонская элита могла получить развлечение, достойное их статуса. Никаких наркотиков, разврата и криминальных разборок.

Она бросила еще один взгляд в сторону мужчины и машинально закусила многострадальную губу, заметив, насколько обыденно властным жестом тот подозвал официантку. Привык командовать? О нет. Скорее из тех, чей тихий голос ставит точку в судьбе какой-нибудь страны. М-да. Бинго!

– Наблюдаешь? – Она вздрогнула, услышав позади себя голос Клауса Кестера. Элис обернулась и заметила серьезный взгляд старого немца в направлении того самого столика.

– Смотрю, как бы не произошло ничего из ряда вон... – кивнула она.

Клаус облокотился на барную стойку, пожевал толстую

нижнюю губу и нахмурил почти бесцветные брови. После чего задумчиво произнес:

– Красив, сучонок... – Но тут же заговорил резко, необычайно серьезно: – Если что-то случится, сразу зови охрану. Я запрещаю тебе подходить к нему, вступать в конфронтацию или диалог.

Элис удивленно воззрилась на дядюшку.

– С чего бы? Они имеют право на предупреждение. К тому же это моя работа.

Неожиданно Кестер положил руку ей на плечо, вынудив повернуться обратно в сторону обсуждаемой компании.

– Элис, детка... Он не просто симпатичный богатенький мальчик, которых ты привыкла здесь видеть. – Клаус наклонился к ее уху, а потом продолжил, перекрывая шум танцевальной музыки: – С огромным удовольствием я бы хлопнул перед его рожей дверью моего клуба! Но, черт побери, не выйдет! Этот красавчик способен играючи испортить жизнь любому. Мир собственных пороков и чужих кошмаров – его родной дом.

– С чего ты так решил? – еле слышно пробормотала порядком обеспокоенная Элис, но Клаус услышал.

– Посмотри на него, каждый жест кричит об этом. Деньги, наркотики, алкоголь... Ему не нужна такая банальщина. Кайф в другом. – Пухлые пальцы еще сильнее впились в плечо, послышался сухой смешок. – Его заводят тонкие манипуляции чужими эмоциями, унижение на грани восхищения,

давление, тотальный контроль.

– Ты уверен? – Она снова задержала взгляд на красивом лице с чудовищно неестественной улыбкой.

– Видал таких несколько раз. Редкий и опасный вид бесчеловечного ублюдка, – хмыкнул Клаус и повернулся обратно к бару, увлекая за собой Элис. Тяжело облокотившись на деревянную стойку, он договорил: – Запомни. Никогда не связывайся с таким человеком, иначе рискуешь стать его жертвой.

Она стояла, обдумывая слова дядюшки, пока пыталась разобраться в собственных впечатлениях. Ни разу прежде Кестер не обсуждал посетителей и тем более не пытался так отчаянно о чем-то предупредить. Наконец Элис проговорила:

– Знаешь... я никак не могу понять, что в нем не так. – Она оглянулась, наблюдая, как предмет их обсуждения вертит в руках только что принесенный стакан с виски.

Интересно, сколько он уже выпил и не пора ли звать охрану, чтобы вытолкать отсюда пьяного гостя? От греха подальше. Ава протянула долгожданный стакан воды, и Элис вздрогнула.

– Я слышала тебя, дядя. Но это не значит, что мне нечего возразить. Каким бы Люцифером во плоти этот ловелас ни оказался, не думаю, что представляю для него хоть какой-нибудь интерес. Во мне нет ничего привлекательного. Одно занудство и ужасный характер. Боюсь, – через силу Элис за-

дорно улыбнулась, стараясь вернуть в свою душу толику уверенности, – это ему впору бежать от меня куда подальше.

Однако Клаус не поддержал шутливый тон. Одутловатое, полное тревоги лицо пошло пятнами, стоило ему услышать последние слова.

– Прекрати ерничать! – Кулак с силой ударил по полированному дереву барной стойки, заставив стоящие рядом стаканы зазвенеть. На них начали оглядываться, и Кестер склонился к самому уху Элис, постаравшись унять кипевшее раздражение. – Вот сейчас тебе кажется, что он пьян. Ха, если бы ты была внимательнее, то заметила бы – парень даже не притронулся к своему виски.

– Но он только что заказал новую порцию...

– Блеф! Вот его прошлый стакан! – Дядя махнул рукой на самый край бара. Там среди нескольких пустых коктейльных бокалов действительно притаился знакомый пузатый тамблер, наполненный почти наполовину. Похоже, лед в нем давно растаял. – Это игра, Элис. Двойная, тройная... Проклятье, только он сам знает, сколько слоев скрывают его истинные мотивы. И, боюсь, наш гость готов выйти на охоту.

– Ему даже стараться не пришлось, – фыркнула она. – Добыча пришла сама.

– Малышка... – Клаус вздохнул и сжал покрытую испариной переносицу двумя пальцами. – Эти увешанные бриллиантами подстилки – прикрытие. Он смотрит на тебя с того самого момента, как зашел в двери «Вальхаллы».

Элис вздрогнула и бросила новый взгляд в сторону сомнительного гостя. Тот что-то говорил на ушко тесно прижавшейся к нему блондинке.

– Что? – Она почувствовала, как от проснувшегося страха пересохло во рту и начали неметь кончики пальцев. – Я ничего не замечала.

– Разумеется! – Клаус сердито фыркнул. – Он профессионал. Ты ничего не заметишь, пока он тебя оценивает. Решает, стоит ли игра свеч.

– Я что, товар на рынке, чтобы меня разглядывали? – Элис почувствовала волну злости и сердито уставилась в стакан с водой.

– Боюсь, что да, – вздохнул дядя. – Для таких, как он, мы все – товар.

Клаус хотел сказать что-то еще, но его отвлек звонок мобильного телефона. Тяжело переводя дух, Кестер отвернулся и поспешил к себе в кабинет решать рабочие вопросы. Элис молча проводила дядюшку взглядом, продолжая обдумывать услышанное. Была в словах Клауса некая мелочь, из-за чего она не могла все списать на стариковские причуды. Да, в клуб заходили разные личности, случалось всякое. Золотая молодежь – сложный и привередливый клиент, угодить которому хоть и трудно, но возможно. Но сегодняшней гость явно стоял на две, а то и три ступени выше любого из богатеньких сыночков, местных бизнесменов и политиканов. Можно было сколько угодно шутить о собствен-

ной непривлекательности для порочных красавцев, но Клаус Кестер ошибался редко. Элис сама чувствовала растущее напряжение. Так что если дяде и померещилось невесть что в полумраке и дыму зала, она все равно будет осторожна. На всякий случай.

Одним глотком допив оставшуюся воду, Элис перегнулась через барную стойку и поставила пустой стакан в раковину. Загадочные незнакомцы могут делать все что угодно, но у нее есть работа и целая куча бесцельно потраченных минут. Но, уже уходя, она рассеянно обернулась. Внутри что-то вздрогнуло и тревожно сжалось, когда в мерцающем свете прожекторов Элис поймала задумчивый взгляд. Мужчина чуть вздернул голову, пока без тени смущения смотрел на нее в упор. Вокруг веселились люди, гремела музыка, но все отошло на второй план, когда по его лицу медленно проскользнули лучи прожектора, осветив едва тронувшую уголки губ ухмылку. И казалось, прошла вечность, прежде чем, невероятным усилием собрав волю в кулак, Элис смогла разорвать зрительный контакт. Круто развернувшись, она нырнула в служебный вход и попыталась унять учатившийся пульс.

За следующие четыре часа рабочие заботы хоть и не быстро, но смогли выветрить из головы любые мысли о привлекательных мужчинах, любвеобильных дамочках и предупреждениях Клауса. Даже у Элис не получалось одновременно думать о таком количестве вещей и при этом принимать

новую партию дынного ликера и абсента, которую доставили вечером, а потом еще лично встречать нескольких особо важных гостей и решать бесконечные текущие проблемы. А те начались с прокуренного туалета и закончились перепутанными на кухне заказами. Также пришлось поругаться с очередным водителем, который каким-то образом умудрился раздавить половину ящика с энергетиками. Так что под конец смены голова Элис напоминала плато с гейзерами, где то и дело болезненно взрывались мысли.

Часы показывали половину пятого утра, когда в пред-рассветных сумерках она устало вышла на парковку около клуба. На черной разлинованной дороге осталось лишь несколько машин, владельцы которых давно видели пьяные сны в своих постелях. Зажав в зубах таблетку обезболивающего, Элис шарила на дне сумки в поисках бутылочки с минералкой и тихо выругалась, когда напоролась ладонью на острую шпильку. Настанет день, и она разберет сумочный бардак! Честно-пречестно! Но треклятую воду словно поглотила черная дыра, а голова тем временем болела все настойчивее. Конечно, можно было вернуться в клуб, где Ава еще не закрыла бар, пересчитывая прибывший алкоголь, но с минуты на минуту должно было приехать такси. Наконец с победным стоном Элис выудила пластиковую емкость и с удовольствием напилась. Уже не по-летнему прохладный августовский воздух бодрил и забирался под тонкую куртку,

вынудив ежиться. Такси задерживалось, и она потянулась в сумку за телефоном, чтобы уточнить время.

– Могу подвезти тебя домой, – раздался за спиной спокойный мужской голос.

Эл застыла, будучи уверена в том, кого увидит, если повернется. Резко выдохнув, она сделала вид, что не поняла, к кому обращены прозвучавшие слова, и вернулась к раскопкам. На кой черт ей такой ворох чеков?! Однако человек позади не унимался, снисходительно хмыкнув.

– Довольно невежливо стоять спиной к своему собеседнику.

Поджав губы, Элис уже в полете поймала готовый сорваться хамский ответ, достала злополучный смартфон, а затем все-таки повернулась. Да так и замерла, уставившись на открывшееся зрелище. А там, через одно парковочное место, стоял самый невероятный автомобиль, что она когда-либо видела. Матово-черный, до невозможности эргономичный. Хищный дизайн на грани абсурда и гениальности. От него так и веяло пафосом, скоростью и деньгами. Две двери были открыты вверх и своей формой напоминали крыло то ли чайки, то ли какого-то невиданного существа. И, безусловно, машина полностью соответствовала своему владельцу, который опирался на ее огромный капот. Оба были великолепны.

Итак, Эл не ошиблась в догадках. Мужчина из клуба, где-то потеряв свой смазливый эскорт, вытянул вперед неимоверно длинные ноги, небрежно засунул руки в карманы брюк

и устроился поудобнее на монструозном носе машины. Щека его дернулась, будто он прищурился. Сумерки все еще прятали детали его внешности, но уже не могли скрыть ни размах плеч, ни отличную (где твоя скромность, Элис!) фигуру. Свет уличного фонаря оставлял изломанные неестественные тени, истончая почти в ничто губы и рисуя темные провалы вместо глаз. И снова возникло чувство неприятной беспомощности. Элис нервно сглотнула, увидев, как медленно мужчина повернул голову и совершенно бесцеремонно заскользил взглядом по женским ногам, груди и лицу. Похоже, он не просто мысленно раздевал ее, а исследовал словно лабораторную мышь, разложив на препараторском столе сокровенные мысли, желания и саму суть Элис Чейн. Нет, ну каков мудак, а! Она гордо вздернула подбородок, даже не собираясь гадать, смог ли он что-то увидеть в обманчиво тусклом электрическом свете.

– Благодарю, но мое такси будет с минуты на минуту, – максимально нейтральным тоном ответила Элис.

– Поговаривают, что среди таксистов самое большое число извращенцев, – мягко протянул навязчивый незнакомец и изобразил улыбчивый оскал, от которого Эл передернуло.
– Не боишься?

Она вскинула голову и подумала, что уж кого-кого, а опасаться здесь следовало только его. Наглец же достал откуда-то брелок и теперь машинально игрался, перекатывая в пальцах тихо позвякивающее нечто. Вся поза мужчины выражала опасную леность: хочу – поймаю, хочу – уйду. Черт побери, неужели дядюшка Клаус был прав? Элис стоило бы тысячу раз подумать, проигнорировать попытку завязать диалог, вернуться, наконец, обратно в клуб, но вредный характер перехватил лидерство у переутомленного трудной рабочей сменой разума. А еще она была невероятно заинтригована совершенно неожиданным вниманием к себе. Так что Эл откровенно насмешливо хмыкнула и посмотрела на своего собеседника.

– Бояться надо самих себя, а для остального у меня есть электрошокер.

Мужчина явно намеревался что-то ответить, но в эту минуту из-за угла вывернула белая машина такси. Так что Элис развернулась и на ходу бросила:

– Спасибо большое за заботу, однако я справлюсь как-ни-

будь сама.

Устроившись на сиденье, она, вероятно, слишком сильно хлопнула дверью и всю дорогу до дома кляла себя на чем свет стоит за невозможное ребячество. Ну зачем она бросила напоследок дурацкую фразу, будто недостаточно ясно выразилась до того? Зачем вообще заговорила с... этим? Ведь по какой бы причине опасному богатенькому мудаку ни понадобилась серая мышь, следовало не пускать слюни, а собрать в кучу мозги и в кои-то веки поступить здраво и по возрасту. Смолчать! Никогда нельзя разговаривать с опасными незнакомцами, особенно на пустой стоянке, особенно ночью. Даже если те выглядят так чертовски интригующе. Но это, пожалуй, даже лишний аргумент в пользу полного их игнорирования.

Лишь очутившись в тихой квартире, Элис смогла перевести дух и расслабиться. У нее оставалась пара часов, чтобы вздремнуть перед первым учебным днем. Однако, задергивая в своей спальне шторы, чтобы неяркий утренний свет не помешал, она бросила взгляд на улицу и замерла. Прямо от подъезда ее дома медленно отъезжал тот самый хищный автомобиль.

– Вот же дерьмо!

Глава 2

Вступление Stayin' Alive⁷ в сотый раз перекрыло доносившийся из приоткрытого окна уличный гомон, и Элис недовольно замычала. Во имя всего святого, почему телефон так далеко? С закрытыми глазами она свесила руку с кровати и попыталась нашарить на дощатом полу пискляво орущее устройство. И когда пальцы наконец-то сомкнулись на прохладном алюминиевом корпусе, Эл титаническим усилием разлепила веки, выключила будильник и уставилась в яркий экран. Отчаянно смаргивая сонную пелену перед глазами, она пыталась понять, который сейчас час, день и где ее место во вселенной. Бездушная электроника показала, что в городе Бостон, штат Массачусетс, мир уже отмотал пятнадцать минут от седьмого часа утра двадцать девятого августа. Сто двадцать минут сна – вот и все, что перепало за сегодня Эл. Сумбурно выругавшись, она чуть ли не за волосы вытянула себя из уютной кровати и поплелась в душ, ежась от утренней прохлады. Сквозняки в этом доме были личным проклятьем Элис Чейн. Однако на кухне, которая одновременно играла роль гостиной, ее ждало легкое потрясение в виде уже одетого Джошуа. Парень как раз заканчивал завтракать.

⁷ Stayin' Alive – песня группы Bee Gees. Используется медиками для отработки сердечно-легочной реанимации. Ее ритм идеально совпадает с частотой компрессий.

– Я сплю и вижу сон, – пробормотала Элис.

– Привет, полуночница. – Друг был отвратительно бодр и свеж, а болтавшаяся на нем мятая футболка вызывала зудящее желание ее разгладить. Хоть утюгом, хоть могильной плитой. Раздражения добавляла и очередная дурацкая надпись: «*Чернее рождественской ночи*», от которой хотелось закатыть глаза. – Где благодарность?

– За что это еще? – Элис подозрительно сощурилась, потирая одну замерзшую ступню о другую.

Обычно она была жаворонком, но предполагалось, что птицы хотя бы иногда спят. Птицы, не Элис. Так что с утра она редко бывала в настроении, что неудивительно при таком графике. Ей следовало бы перекреститься и быть благодарной, что вообще смогла открыть сегодня глаза. А еще за то, что у нее не было ядерного чемоданчика. Когда пробуждение, как сейчас, выпадало на дни после ночных смен, впору было намертво заклеивать рот скотчем, чтобы не обидеть кого-то ненароком. Или не убить. К счастью, Джо слишком хорошо ее знал и не обращал внимания на повышенную ехидность и зашкаливающий предрассветный сарказм.

– Я приготовил тебе завтрак!

– Который, поди, только что сам и съел.

– Ты шла в душ, – напомнил ей Джо и демонстративно отправил в рот кусок сочного омлета. Элис сглотнула слюну.

Через пятнадцать минут она уже сидела за столом и закидывала в себя божественную пищу, пока другой рукой судо-

рожно пыталась отыскать в телефоне расписание.

– Что там у тебя? – поинтересовался Джошуа. Он уже заказал такси и теперь подталкивал в сторону Элис горсть таблеток из стоявшего на столе кейса. Друзья безбожно опаздывали.

– Слава богу, одни лекции, – проговорила она с набитым ртом. – Я вообще не способна думать. Так-так... Продвинутые темы по силовой электронике, потом вычислительная техника и... О, а вот это интересно. Я в прошлом году записывалась на этот курс, но не была уверена, что он состоится. Почему-то очень мало кто решился прослушать его, а ведь один из основных.

– О чем ты?

– Искусственный интеллект. Все, начиная от методов, архитектуры, построения и обучения нейронных сетей и заканчивая философскими размышления об отличии нас от животных. Я мечтала посетить эти лекции с момента поступления... – Она подняла взгляд на молчащего Джо и нахмурилась. – Почему ты так на меня смотришь?

– Это ведь курс профессора Риверса? – странным голосом произнес О’Нили.

– Понятия не имею. – Элис удивленно мигнула и полезла на сайт факультета, чтобы проверить информацию. Через минуту она кивнула. – Да, ты прав. Откуда знаешь?

– Ну-у-у, – протянул парень, – про него ходят разные слухи. Даже странно, что ты не в курсе.

– Например? – Она заинтересованно уставилась на друга, перекатывая в ладони горсть лекарств.

– Поговаривают, что он работает с Министерством обороны.

– А что в этом такого? Половина МТИ работает на них.

– Нет, – скривился Джо, – ты не поняла. Он не работает *на них*. Он работает *с ними*. Военные чинуши чуть ли не задницу ему лижут, лишь бы Риверс продавал свои разработки только им.

Элис встала, подбирая с пола свою сумку и с трудом впихивая туда огромную лекционную тетрадь, но почти сразу вновь замерла. Слова друга заинтересовали ее.

– Почему им тогда просто не взять его на работу?

– Кто их знает. – Джо пожал плечами, закинув на плечо рюкзак. – Поговаривают, они пытались его звать, потом хотели купить, даже угрожали. А он лишь положил их сайт на целые сутки и взломал внутреннюю систему, в результате чего на всех их мониторах пятнадцать минут транслировалось жесткое порно.

– Да ладно?! – Она рассмеялась. – Это не может быть правдой! Он же все-таки профессор. Его за это и посадить могли.

– Могли, – кивнул парень. – Но он слишком им нужен. Все эти программы интеллектуального наведения, роботизированные беспилотные военные машины и все в таком духе – его рук дело. Риверс им нужен, он знает об этом и издевает-

ся над ними как может. Хотя, не буду отрицать, этот чувак чертовски умен.

– Сколько же ему лет? Если, по твоим словам, он сотрудничает с военными, значит, это должен быть очень крутой специалист.

– Примерно сорок или около того.

– Ого, – Элис восхищенно присвистнула, – тогда я тем более не понимаю, почему так мало людей изъявили желание посещать занятия этого человека. Судя по тому, что ты рассказал, он чуть ли не гений. Должно быть, его лекции чертовски неординарные.

– Э-э-э, – опять замялся Джо, – опять же, говорят, он полный моральный урод. Тиран, деспот и просто мудака.

– Ну, довольно странно ожидать от человека, показывающего всему Пентагону в прямом эфире порнуху, кротости и человеколюбия, – саркастично протянула она.

– Дело даже не в этом. Ходят слухи... – На этом слове Элис закатила глаза, и Джошуа вспылил. – Да, слухи! Этот чел вообще странный, так что довольствуйся тем, что есть. Сама же спросила. Так вот, шепчутся, что он не брезгует потрахаться со студентками. И вообще... ну, любитель легкого секса.

Элис в немом удивлении открыла рот, потом закрыла. Картина будущей встречи с профессором вырисовывалась донельзя интересная. Но их прервало уведомление на телефоне Джо. Такси приехало.

Разговор они продолжили, сидя на заднем сиденье старенького седана и стараясь, чтобы индус-водитель не слышал ни слова. Парочка ехала в Кембридж, а там, как известно, у стен есть не только уши, но тепловизоры и эхолокаторы, чтобы даже тень или отзвук новой сплетни не промелькнули незамеченными. Ох уж это студенческое сообщество.

– И кто же такое говорит? – как бы невзначай поинтересовалась Элис.

– Да все, – опять пожал плечами приятель.

– Тебе не кажутся странными и нелепыми подобные сплетни? Раз об этом знают все, то довольно необычно, что человека до сих пор не уволили. Это же статья.

– Не пойман – не вор, – пробормотал Джошуа. – Поговаривают многое, но, сама же сказала, это все слухи. О домогательствах никто не заявлял, претензий не предъявлял, кляузы в студенческий союз не писал. Что происходит в черной дыре, остается в черной дыре. Если и были какие-то интрижки, то, вероятно, по обоюдному.

Элис кивнула, признавая справедливость его слов. Табу – оно, конечно, и в Массачусетсе табу, но с фонариками давно никто не стоит и какого-то особенного криминала не видит. Кому какая разница? Тем временем Джо продолжал:

– К тому же они с президентом Коэном чуть ли не в родственных отношениях.

– Оу... – А вот это было интересно. Руководитель университета считался личностью неординарной и очень уважа-

емой.

– Ага. Точно не знаю, что там за история, но когда-то читал, Коэн был его руководителем на соискание степени. Так что там связи покрепче, чем у болтов с гайками на вантовом мосту.

– Ясно... – Элис покачала головой. Ох уж эти слухи. Даже немного удивительно, что такому человеку не приписывают рога, копыта и хвост, он не дышит адовым смрадом, а земля под его ногами не обращается в пепел. Люди всегда горазды на выдумки из-за собственной зависти. – Ты его хоть видел?

– Не-а.

– Понятно все с вами, сплетники. – Эл откинулась на спинку сиденья и прикрыла глаза.

Дико хотелось спать, и даже загадочный ловелас-профессор не сподвиг мозг к активной мыслительной деятельности. Надо было как-то пережить день и не умереть, а уже потом разбираться в сплетнях, предположениях и черт знает в чем еще. Элис сонно зевнула. Ее неумолимо укачивало в утренней пробке на мосту между Бостоном и университетским Кембриджем. Мимо окна медленно проползали ванты моста Лонгфелло, и так же плавно мысли в голове перетекли к другому мужчине.

Вчерашний вечер успел немного притупиться в смазанных сном воспоминаниях. И Эл уже не была так уверена, что автомобиль гостя отъезжал от их дома. Возможно, просто ехал мимо. В конце концов, дорог вокруг не так много. С

другой стороны, что мужчина такого уровня позабыл в гетто Дорчестера? Уж точно не дешевых шлюх или сомнительного качества травку. Да и бог с ним. Волновало другое: с чего ему вообще пришло в голову заговорить. В самом дурном влажном сне Элис не смела представить, что подобный мужчина проявит к ней интерес. Как к человеку. Как к женщине. Просто смешно! Она напоминала плохо общипанный синюшный труп тощей курицы: кости, кожа и претензия сойти за полноценный суповой набор. И надо быть слепым или убогим, чтобы увидеть в ней хоть что-нибудь симпатичное. Ну, или ботаником со спермотоксикозом, как все ее бывшие.

Ее разбудили резкий толчок и пугливый визг тормозов. Больше, чем еды и воды, больше, чем яркого солнца над головой и вечного лета, Элис хотела выспаться. И потому она даже не поняла, как задремала, привалившись к плечу Джо. И вот сейчас сонно моргала в попытке понять, где и что произошло. Вроде все было в порядке, только водитель-индус проклинал пижона, который только что подрезал их почти у самого кампуса и умчался вдаль, громко рыча двигателем спортивного автомобиля. Друзья расплатились и вывалились на людную по причине утреннего часа Вассар-стрит.

– Ты сегодня будешь у Хиггинса? – спросил Джошуа, закидывая рюкзак на плечо.

– Да, думала забежать после лекций. Надо набросать план да вспомнить, что я там понаписала в прошлом семестре.

– Зануда...

– От зануды слышу!

Джо обнял ее, целуя в щеку.

– Я скучал по тебе, Пуговка. Береги себя.

Элис закатила глаза и уже намеревалась в очередной раз отчитать не в меру заботливого друга, но у того зазвонил телефон. Она улыбнулась, услышав столь знакомую *Stayin' Alive*, и сразу же забыла о своем недовольстве. После одного из первых приступов, когда Джо трясущимися от страха руками давал ей нитроглицерин, он поставил на звонок эту мелодию. По его словам, чтобы не забывать ритм. На всякий случай. И вот уже пять лет не изменял этой песне, хотя та давно въелась в подкорку. Тем временем Джо махнул на прощание рукой, показывая, что разговор у него надолго. Элис кивнула и направилась в сторону здания номер тридцать восемь.

В фойе кампуса, наплевав на удобства со скоростью пригородных поездов пробежавших по делам студентов, Элис встретила очередная выставка самодельных электромобилей. Экспонаты занимали все большое фойе, так что пришлось протискиваться сквозь галдевшую толпу и по пути кивками приветствовать знакомых. Лестница на третий этаж была переполнена спешившими аспирантами, заблудившимися первокурсниками и всеми остальными, кто в суматохе первого учебного дня слегка потерял голову. Наконец ей удалось добраться до нужного лектория и плюхнуться на скамью, пытаясь отдышаться. Элис успела, но сердце теперь за-

ходило в рваном ритме, что отдавало болью где-то в груди. Чуть поморщившись от неприятных ощущений, она достала тетрадь и приготовилась к мучительной попытке не заснуть.

Опасения оказались не беспочвенны. Эл периодически клевала носом над очередной схемой и лишь чудом да генетикой, решившей наградить ее курносостью, не проткнула насквозь свой конспект. Она старалась зевать не шире ладони, которой прикрывала рот. И ей было ужасно стыдно за свое состояние, ведь эту лекцию обещали включить в итоговый тест. Но еще больше Эл беспокоило, в каком состоянии она доберется до последнего занятия. Ведь уже сейчас хотелось погрузиться в беспробудный сон даже стоя. И все же следующая вводная лекция по вычислительной технике немного взбодрила. Их курс неплохо развлекся, обсуждая приведенный профессором Матсу пример моделирования аэродинамики живой и жареной индейки. Выводы были неоднозначны.

* * *

Встреча с Джошуа состоялась в местной пиццерии после полудня. Заказав себе еды, друзья ринулись на поиски свободного столика и удачно нашли местечко около огромного, во всю стену окна. Там можно было лениво рассматривать спешивших прохожих и то, как на раскаленном асфальте то

и дело мелькали миражи. В маленькой уютной пиццерии, напротив, было прохладно.

Сообщения от заказчика настигли Элис во время поедания салата. Она достала навязчиво трезвонивший телефон и посмотрела на экран, где один за другим сыпались комментарии. Быстро пролистав их, Эл вздохнула и потянулась за ноутбуком.

– Фрилансишь? – спросил Джо, сражаясь с очередным куском пиццы, который никак не хотел расставаться со своим собратом. Наплывы сыра жирными пятнами растекались по тарелке, слепляя все в монолит.

– Угу, – утвердительно кивнула она и запихнула в рот огромный кусок вегетарианского сэндвича, не замечая, как посыпались на стол крошки. Джошуа брезгливо поморщился, но промолчал. Чья бы корова мычала! Руки Элис тем временем уже запускали нужную программу.

Фриланс считался заработком в порядке вещей для любого студента. Это было так же естественно, как дышать, спать, есть и бесконечно ботанить. Джо, например, подрабатывал системным администратором аж в пяти конторах сразу, порой поднимая в очередной раз упавший сервер прямо с телефона на вечеринке в клубе или посреди лабораторной работы. Так жили все, и большинство преподавателей закрывали на это глаза.

– Тебе нужно мясо, – в очередной раз нудил друг, отлепляя от сыра смачный кусок ветчины. – Отощала что швабра.

Не обижайся, но даже на мой вкус это не круто.

– А ты у нас эксперт по женской красоте? Как-то я упустила этот момент.

– Я просто люблю... все красивое. Посмотри на свои руки – не конечности, а готовый манекен кабинета анатомии. По тебе можно контурные карты сосудов составлять без рентгена.

– Угу. Не волнуйся, я обязательно буду есть несчастных животных, как только смогу заработать на нормальный кусок, а не на вот эту смесь сои и картона, что здесь именуют ветчиной.

– Сказал человек, поедающий тофу.

– Тофу хотя бы не пытается выдавать себя за свинью! Он честен и прямолинеен, а потому я выбираю его, – с пафосом закончила Элис и вернулась к программе, чтобы загрузить новые порнобаннеры на сайт клиента. Веки немилосердно слипались, и все было подернуто мутной пеленой, но Элис честно смаргивала сон и цеплялась взглядом за подсвеченные символы. Хорошо, что некоторые вещи уже доведены до автоматизма: вставить блок, назначить переменные, загрузить ссылку... почистить зубы, сесть на нужный автобус, вежливо поздороваться и спросить, как дела. Жизнь – это код. Алгоритм. Тем временем друг какое-то время молча наблюдал за ее манипуляциями, трудолюбиво работая челюстями, а затем прочавкал:

– Вот видели бы тебя монашки из приюта.

– И что? Это же не я там, на фото, чтобы меня могли порицать. – Она не отвлекалась от пробежавших перед глазами строчек кода.

– Но ты потворствуешь блуду! – прогундосил низким голосом О’Нили. – Двойные стандарты.

– Я ничему не потворствую. Каждый волен сам выбирать, кем быть, что смотреть, ну и дрочить или не дрочить. И да, вся религия построена на двойных стандартах. Ударили по одной щеке – подставь вторую, а сам потом на коня и в крестовый поход на обидчика. И сразу весь из себя святой мученик за веру, небесного царя и родной дом.

– Каждый раз поражаюсь, как ты умудрилась вырасти такой язвой в этой своей церкви, – хохотнул приятель.

– От безысходности, не иначе. Из-за ладана и не такие мысли в голову лезли.

Они продолжили шутиливо препираться еще довольно долго. Но, несмотря на веселье, к половине третьего дня, когда Элис медленно шла в сторону кампуса, усталость и сонливость атаковали с новой силой. На них же она списала неожиданную галлюцинацию. Ей показалось, что между домами на Осборн-стрит мелькнуло черное матовое пятно, напомнившее знакомый автомобиль. Но Элис быстро отогнала от себя эти мысли, потому что такое положение дел было бы слишком невероятным. Она даже усмехнулась нелепости: нет ничего более несочетаемого, чем вчерашний красавчик-мудила в эпицентре ботаников и зануд. О, как нелепо он смот-

релся бы здесь! Впрочем, чуть дальше располагался элитный Гарвард, а там количество подобных пижонов росло по экспоненте, стоило лишь чуть углубиться в переплетение улиц.

И, пожалуй, она бы еще пофантазировала на тему блуждающего рядом с университетом мужчины, не отвлеки ее Мелани. Светлые волосы поравнявшейся с Эл однокурсницы были непривычно распущены, а на лице присутствовали следы макияжа, отчего возникло вялое удивление. Нет, Мел и так считалась красивой, но в их тусовке это был слишком уж непривычный вид, который сразу бросался в глаза. Обычно она ходила в мешковатой толстовке да драных джинсах, сломанным стилусом от планшета закрепив тусклые волосы в неаккуратный пучок.

– Я видела, ты записалась на лекции к профессору Риверсу? – без приветствия начала Мел и схватила однокурсницу под руку.

– Есть такое, – осторожно согласилась Элис, попытавшись высвободить свою конечность из цепких пальчиков.

– Я тоже, – раздался загадочный смешок. – Не каждый день выпадает возможность пообщаться с таким мужчиной.

– Да, Джо говорил, что профессор – знатный специ...

– Боже, Элли, – перебила Мел, отстраняясь и как-то странно к ней присматриваясь. Элис поежилась. – Я вовсе не об этом.

Она хотела было спросить, а о чем же, черт бы ее побрал, та тогда говорит, но Мелани уже резво ускакала навстречу

закадычной приятельнице. И Элис фыркнула, когда увидела, во что та сегодня оделась. Платье? Серьезно? Что вообще происходит? Ветер принес задорные смешки подружек, а Эл ничего не оставалось, кроме как в одиночестве направиться в сторону небольшой лекционной аудитории. Та, хвала небесам, располагалась на первом этаже. Элис уселась за рабочий стол, прикрыла саднившие от бессонной ночи глаза и, не выдержав, все-таки уронила голову на скрещенные болезненно тонкие руки.

Иногда она жалела, что не могла так же беззаботно и весело относиться к жизни, как это делали большинство однокурсников. Дурное здоровье и мерзкий характер держали всех сверстников на достаточном расстоянии. Мисс Чейн не любила пустых разговоров, глупых сплетен и чьей-то тупости, так что круг друзей сам собой ограничился Джошуа, Генриеттой (в ее присутствии только Генри!) и... Да. Пожалуй, туда входил профессор Хиггинс. За проведенные в его лаборатории годы их отношения уже давно перешли в разряд своеобразной дружбы. Насколько, конечно, это вообще было возможно при разнице в положении. А как-то раз они вчетвером даже сходили на концерт, где дружно перепили дешевого пива.

Элис мысленно улыбнулась воспоминанию и вдруг поняла, что вокруг стало подозрительно тихо. В предчувствии опасности все рецепторы в больном теле тут же активизировались и уловили незнакомый аромат, что острыми, кис-

ло-сладкими нотами немедленно впился в мозг. Осторожно подняв голову, Эл с неудовольствием нащупала на щеке след от карандаша, на котором, оказывается, лежала, и открыла глаза.

Итак, перед ней находились темно-синие мужские брюки. Элис моргнула в попытке прогнать наваждение, но иллюзия никуда не исчезла. Штаны остались на месте. Все такие же синие, с ровными швами и сатиновым отблеском. Нет, разумеется, ноги там тоже были. Длинные, почти бесконечно тянущиеся конечности, которые никак не заканчивались, пока Эл поднимала голову все выше и выше. Первое, что отметил ее сонный разум, – идеально выглаженные стрелки. Она даже успела удивиться, не по заказу ли их делали. После чего взгляд скользнул вверх, на секунду остановился на застегнутом одной пуговицей пиджаке в тон, завязанном хитроумным узлом галстуке и... Элис почувствовала, как кровь отлила от лица, а сердце бешено застучало. Нет. Это просто не могло быть правдой! Это же какой-то кошмар! Что он здесь, мать его, делает?

Эл сглотнула и неверяще уставилась на будто принадлежавшее идеальному голливудскому злодею узкое лицо. Она мгновенно выловила некрасивые мимические морщинки, затем ее взгляд скользнул по высокому лбу, чтобы тут же упасть в оттененные резкостью скул провалы щек, зацепился за щетину, споткнулся о складки вокруг всегда напряженного рта и... И тут Элис остановил взгляд, от которого картин-

ка разом смазалась. Боже! Наверное, никогда в жизни она не видела настолько ужасающих глаз. Светлая, точно прозрачного стекла, выцветшая радужка сливалась бы с белками, не будь ограничена темным контуром. Омертвелые, но не пустые. Профессор пялился ими не мигая, чем повергал в пугающую, на грани восхищения дрожь.

Вчера, конечно, было не до внешности странного гостя, да и разглядеть что-то в полумраке клуба или же ночи оказалось почти невозможно. Но и тогда, и сейчас из этого человека была не просто харизма, а яростная эманация личности. Взрывная, упорная, как набравший скорость грузовой лайнер. Ни одного шанса увернуться или сбежать. Элис раскатало по взлетно-посадочной полосе аудитории, начисто выбив любые мысли из заходившегося истерическим криком разума. И все, что она могла – поверхностно дышать, стараясь успокоить колотившееся сердце. О боже! В голове носились шальные мысли, что этому зверю не место в солнечном августе. Что он должен был остаться там, на полутемной парковке последних летних ночей среди неровного света фонаря и сладкого запаха женских духов. Там, где они бы больше никогда не встретились.

Она не знала, сколько прошло времени, когда до замутненного сознания дошло, что это реальность, а не сон. Мозг разом включил оставшиеся органы чувств, резко наполнив уши гомоном однокурсников, кончики пальцев – ощущением нагретого пластика, а нос – новой порцией аромата.

– Рад, что вы соизволили проснуться, мисс...

Обманчивая вкрадчивость знакомого голоса заставила вздрогнуть, пока сверху вниз на Элис смотрел тот самый знакомый по клубу мудака. И, господи помилуй, сейчас он был еще более невероятен, чем в полутемном зале «Вальхаллы». А потому то, что Эл все же удалось придушенно пискнуть, можно было смело назвать чудом.

– Чейн. Элис Чейн.

Послышались смешки, но один легкий поворот головы, не отрывая взгляда от сжавшейся за столом фигурки, и в аудитории стало тихо.

– Очень приятно, мисс Чейн, – медленно протянул профессор. И от звука его голоса Элис содрогнулась чуть ли не физически, пока стекло глаз все снимало и снимало с нее слой за слоем. Одежда, кожа, мясо. О, а вот и скелет.

Итак, все плохо. Очень плохо. У Элис даже закралось подозрение, что вопрос об имени был пустой формальностью. Мудака, похоже, прекрасно знал, как ее зовут, где она живет и какого сегодня цвета на ней белье. А еще он продолжал что-то говорить.

– Довожу до вашего сведения, что не потерплю подобного поведения в будущем. Вы пришли сюда заниматься, и если у вас какие-то проблемы с расписанием, обратитесь к куратору.

– Никаких проблем, сэр, – пробормотала она, все еще пытаясь осознать происходящее. Вселенная, за что? – Прошу

меня простить. Такое больше не повторится.

Шея уже ныла от того, как долго пришлось просидеть с задранной вверх головой. Сколько в нем, черт побери, роста? Шесть футов? Семь?!

– Будем надеяться, – кивнул он и уже знакомым жестом вздернул голову, чтобы откинуть со лба светлые волосы.

Элис была готова поручиться головой, что напыщенный говнюк сделал это нарочно! А потом он неожиданно улыбнулся той самой страшной улыбкой. В наполненной солнечными лучами аудитории та выглядела еще более неестественно и жутко, чем показалась в клубе. Губы широко растянулись, обнажив ровный ряд белых зубов, но глаза остались равнодушны и безучастны, словно приклеенные. Или же нарисованные?

– И если в будущем вам вдруг кто-то предложит помощь, для вашего же блага настоятельно не советую отказываться. Курс достаточно сложен, и кто знает, как далеко можно зайти в попытках его изучения.

Сказанная фальшиво обходительным тоном фраза отдавала такой двусмысленностью, что Элис задохнулась от возмущения. И плевать, что на ее лбу словно горела неоновой фразой: *«Вот ублюдок! Я это тебе припомню»*. Разумеется, она понимала: благоразумнее и безопаснее промолчать. Покаянно потупить взор и согласиться. Но инстинкт самосохранения умер еще год назад, в тот момент, когда Элис согласилась на проект NASA. Да и не привыкла она сносить оскорб-

ления, завуалированные пошлыми намеками и лживой заботой, а потому спокойно и четко повторила произнесенные этой ночью слова.

– Спасибо большое за заботу, профессор, однако я как-нибудь справлюсь сама. С провожатыми нам не всегда по пути. – Голос звучал твердо, и Эл открыто встретила жуткий взгляд, ни одним мускулом не показав, как на самом деле ей страшно.

Бесцветные глаза чуть прищурились, но... и только. Не удостоив мисс Чейн ответным кивком, профессор наконец-то прошел вглубь лектория, бросил сумку с ноутбуком на стол и небрежно присел на его край, вытянув вперед длинные ноги. В аудитории будто потянуло холодом, пока взгляд преподавателя скользил по притихшим студентам. Элис незаметно перевела дыхание и удивилась, не увидев облачко пара, что покрыло бы все поверхности изморозью. Казалось, воздух вокруг заledenел, и в нем сквозил острый запах металла. Эл вдруг с какой-то усталой улыбкой подумала, что этот год будет длиться целую вечность.

– Итак, думаю, все вы догадались прочесть на факультетском сайте, что меня зовут Джеральд Риверс. Потому давайте сэкономим время на взаимном знакомстве. Как зовут вас, мне неинтересно, – тем временем начал профессор, небрежно одернув видневшийся край манжеты.

И Элис закатила глаза, когда разглядела блеснувшую запонку. О, да ради бога! Она собиралась уже невоспитан-

но фыркнуть, но тут взгляд остановился на руках, в которых преподаватель машинально крутил взявшийся непонятно откуда маркер, и ехидство сдулось. Эл ошарашенно моргнула. Ух ты... Черт! Она подобного и не видела никогда, потому что даже с такого немаленького расстояния пальцы профессора Риверса казались неестественно длинными. На них отчетливо выделялись суставы, будто это не руки, а... Ветви? Щупальца? Хотя нет. Две плети с завязанными в узлы хвостами – один удар, и тело в кровь. Почти уродство. Захотелось брезгливо поморщиться от этого зрелища. Но... Все дело было в том самом «почти». Оно не давало скривиться и почти завораживало, отчего Элис никак не могла перестать пялиться на однообразные и плавные движения, даже не пытаясь слушать речь преподавателя. А тот продолжал что-то вещать.

– Не удивлюсь, если многие из вас даже выучили наизусть Гугл и Википедию, готовясь к новому для вас предмету. Похвально, но бесполезно. Все, что вы могли найти в свободном доступе, было либо написано мной, либо отредактировано, а облегчать жизнь своим студентам я не намерен. Моя задача состоит в том, чтобы не только привить вам в этом семестре знания о создании искусственного интеллекта и нейронных сетей, но также приучить вас к чистоте и культуре программирования.

Элис удивленно моргнула, все же уловив окончание фразы. Он это всерьез? Большинство ее однокурсников научи-

лись писать код чуть ли не раньше, чем говорить. Так не поздно ли профессор решил повоспитывать их? Тем временем Риверс продолжал, и Элис невольно заслушалась размеренным звучанием его голоса. При этом она старалась не обращать внимания на навязчивый аромат, что все еще ее преследовал, хотя источник давно находился в другом конце аудитории. Он дурманил и без того не очень-то соображающие мозги, иначе как еще она могла объяснить, что ей это нравилось?

– Я видел работы каждого из вас, и, поверьте, в большинстве это посредственное дерьмо. – По рядам прошел возмущенный шепоток, и Риверс невольно повысил голос. – Но у вас все еще есть шанс стать чем-то большим, чем ежегодно выходящая из этих стен унылая серость.

Вообще-то на это можно было всерьез обидеться. Элис даже подумала, не оскорбиться ли ей, но не успела решить, так как профессор продолжил:

– Не принимайте близко к сердцу. – Он примирительно поднял руки. – Но если вы действительно хотите принести пользу миру, реализовать все свои честолюбивые мечты и планы, то должны каждый раз переступать через свое «не могу».

Элис задохнулась от гнева. Эй! Да вся учеба здесь – сплошное насилие над собой! Или этот урод ожидает, что они бросятся к его ногам с просьбами обучить их? Кто он такой? Второй Иисус, что ли? Эл оглянулась в поисках под-

держки, но, кажется, ее негодование никто больше не разделил. Парни гордо подняли головы, показывая, что уж они-то точно не унылая серость, а Мелани с подругами откровенно пялились на профессора, пропустив все его речи мимо ушей. И глядя на них, Элис подумала, что еще пара минут – и у девчонок изо рта начнет капать слюна. Она едва слышно хмыкнула. Действительно, грешно не трахнуть таких, когда они сами идут тебе в руки.

– Прежде чем мы углубимся в описание человеческого мозга с математической точки зрения и определимся с парадигмой программирования, я хотел бы обсудить с вами само понятие интеллекта. Что это? – Риверс помолчал пару секунд, но ему никто не ответил. Впрочем, это совершенно его не смутило, потому что, скрестив руки на груди, он спокойно продолжил: – Джон Маккарти в свое время говаривал, что искусственный интеллект – это попытка использования компьютеров для понимания человеческого разума. Но возможно ли воссоздать его полностью? Описать кодом наш мозг?

В аудитории снова воцарилась тишина, пока студенты обдумывали ответ. Ну а Элис несмело подняла руку.

– Мисс Чейн, – профессор сделал приглашающий жест, давая ей слово. В его прищуренном взгляде мелькнуло что-то, отдаленно напоминающее удовольствие.

– Мне кажется, ответ однозначный – нет. Мы даже не можем дать точное определение самому понятию «интеллект», которое включает в себя не только психологические аспек-

ты, но и физические. Наше понимание его слишком размыто и субъективно. Что уж говорить о...

– Вот сейчас часть биологов на вас обиделась, мисс Чейн. Они довольно четко объяснили связь академического интеллекта и скорости метаболизма глюкозы, – перебил Риверс, весело разглядывая предательское подобие румянца у Элис на щеках. Но она лишь упрямо закусила губу и глянула на него исподлобья.

– Я так не думаю, сэр. Они изучают одну область, психологи – другую. Я лишь пытаюсь сказать, что мы даже не можем понять процессы мышления...

– И снова биологи негодуют. Энцефалография известна аж с середины девятнадцатого века. Мне кажется, вы намеренно принижаете их достижения. Право слово, на их месте я бы обиделся на вас.

Да что такое! Он даст ей сегодня договорить или так и будет перебивать? Элис почувствовала раздражение, и слова слетели с языка прежде, чем мозг успел их перехватить.

– Биологи, может, и обижаются, сэр, – медленно произнесла она, посмотрев прямо в наглые глаза ублюдка, – но только если цель их существования – выискивание возможностей потешить свое самолюбие. И тогда грош им цена как ученым, коли они размениваются на такие мелочи.

Намек относительно его поведения в клубе однозначно достиг цели. Джеральд Риверс нахмурился, отчего между бровей залегли две морщинки, и вкрадчиво ответил:

– Действительно, но куда хуже однобокость и ограниченность мышления.

Ого, а они все же перешли на личности. Но чем-чем, а рамками свой разум Элис никогда не ограничивала. Пустые обвинения, профессор!

– Разве? – невоспитанно фыркнула она. – По мне, так развязность разума столь же фатальна, как и его косность.

– Да вы научная ханжа, мисс Чейн!

Браво. Ей определенно удалось задеть эго профессора, только вот Эл так и не поняла, чем именно. Словами? Намеками? Или тем, что выразила недовольство его поведением? Порно в прямом эфире Пентагона? Пусть делает что хочет. Это же его жизнь, и Элис абсолютно наплевать, на что он ее тратит. А потому она грубовато отрезала:

– Ничуть. Но научные проститутки не вызывают во мне уважения.

Она чувствовала, как каждый в аудитории силился понять, что за чертовщина сейчас происходит. Каким таким странным образом беседа об интеллекте так быстро и стремительно свалилась в выяснение загадочных отношений. Забывая моргать, студенты переводили ошалелый взгляд с профессора на свою слишком бойкую сокурсницу. Тем временем Риверс задумчиво на нее смотрел, перекатывая в пальцах несчастный маркер, и от его внимательного и тяжелого взгляда Элис стало не по себе. Господи! Как же пугали эти глаза! Они не просто изучали, а делали лоботомию, доста-

вали мозг и теперь с интересом профессионального коллекционера любовно перебирали извилины. И поняв это, Эл зачерпнула из почти истощившихся резервов последнюю смелость и так же твердо продолжила:

– Продавать свои мозги можно по-разному. А можно вообще не торговать ими, тратить на пустое и ненужное, упуская шанс изменить что-нибудь к лучшему. Все зависит от степени развитости личности, статуса человека, его сознательности. Так что интеллект – это совокупность не только биолого-химических элементов, но и социально-психологических. И потому повторить это в машинном коде кажется мне невозможным.

Профессор замер, видимо, обдумывая услышанное, а потом резко потрянул головой и неожиданно широко улыбнулся, отчего Элис дернулась. Ужас! К этому оскалу будет невозможно привыкнуть.

– А вы, оказывается, еще и честолюбивая идеалистка, мисс Чейн.

– Я не... – Но ее уже не слушали.

Профессор развернулся к аудитории и о чем-то весело заговорил, потом принялся объяснять, попросив записать под диктовку. А Элис все сидела, уткнувшись в конспект, и пыталась понять, что, черт возьми, натворила. Зачем повелась на словесные эскапады и намеки, когда у самой, на минуточку, тряслись руки? Дерьмо, ведь давала же себе обещание никогда больше не говорить с ним. Но как это возможно,

если он профессор? Святой господь, а в следующем семестре их ждет практикум! Она этого не переживет, без сомнения. Либо задохнется от запаха, либо психанет и даст улюдышку в нос. И все же... Элис хотела бы его презирать, как еще несколькими часами ранее, но уже не могла. Их странный, двусмысленный диалог впервые заставил почувствовать себя необычно: будто кто-то разом смахнул вековую пыль и открыл настежь окна. С ней давно не случалось ничего подобного. Да что уж врать, такого не случалось никогда. Элис подняла голову, бросила быстрый взгляд в сторону Риверса и немедленно уткнулась обратно в конспект. Отстой.

Следующие полтора часа прошли в обнимку с собственной совестью и нарастающим чувством восторга, пока Эл слушала лекцию человека, которого еще ночью готова была оскорблять до стертого в кровь языка, хотя не имела на это четких причин. Ох, верить дядюшке казалось так правильно и легко. Но сейчас с каждым словом, каждым новым изощренным вопросом к своей аудитории Джеральд Риверс вдребезги разбивал так легко и быстро сложившееся о нем мнение. Он был хорош во всем: в манере говорить, двигаться, да и просто выгладеть! А какие блестящие идеи, какое невозможно тонкое понимание неоднозначности своего предмета, какой нетривиальный способ мышления! В стенах одного из известнейших университетов Элис часто встречала талантливых преподавателей. Однако профессор Риверс задрал планку одаренности вверх сразу на десять пунктов, уло-

жившись за рекордно короткое время. И к концу занятия совершенно незаметно у Эл получилось набросать образ гораздо более интересный, чем просвечивавший через сырые контуры портрет редкостного говнюка. Открытие стало неожиданным, но оттого удивительно завораживающим. Профессор оказался невероятно умен и, что греха таить, дьявольски коварен. На ум пришли слова Джошуа о талантах Джеральда Ривера. Во всех смыслах. И если слухи правдивы, то, боже помоги, их курс ждет очень насыщенный год, полный невероятного двусмысленного кошмара от человека с мозгами робота.

Глава 3

Разумеется, в этот день зайти к профессору Хиггинсу так и не получилось. Стоило только Риверсу объявить об окончании лекции, Элис вылетела из аудитории, точно частица из жерла какого-нибудь ускорителя – стремительно и сметая все на своем пути. Она быстрым шагом пересекла коридор и направилась к заветным стеклянным дверям главного входа, торопясь как можно дальше убраться от этого человека. Честное слово, он немного пугал. Нет, не только странными глазами или страшными руками, скорее своей противоречивостью.

Так уж сложилось, что Элис любила определенность. Каждый день выстраивала четкие последовательности дел и дошито старалась оптимизировать все, что только возможно. Алгоритмы помогали структурировать многомерную реальность бытия, делали проще и понятнее, пока ненужные фрустрации ловко оставались за ее пределами и не беспокоили больное сердце. Эл раскладывала на циклы и переменные всех: собак, людей, кукурузные хлопья в тарелке. Так было проще, понятнее. Но Джеральд Риверс с присущим ему нахальством как-то сразу не вписался ни в одно знакомое уравнение, что невероятно взбесило. Все в нем, начиная с огромного роста и заканчивая термоядерным эго, выводило Эл из себя. Этот профессор раздражал лишь одним фак-

том существования, потому что был олицетворением чистых противоречий. Эти... костюмы, запахи, чертовы пальцы и несовершенное в своем совершенстве лицо никак не хотели стыковаться в голове с самой важной деталью. С тем, из-за чего прямо сейчас Элис нервно хваталась за ствол какого-то дерева и сквозь боль в груди пыталась отдышаться после долгого бега.

Мозги.

Эл едва слышно застонала и прислонилась влажным лбом к сухой коре. Черт побери! Какие же у Риверса были мозги! Каждая извилина – загляденье. Экспонат, достойный быть высеченным из мрамора, чтобы потом возглавить экспозицию в музее. Феноменально. И так бездарно растрачено. Едва слышно хохотнув от досады, умница Чейн оттолкнулась от дерева и с трудом выпрямилась. Признать, что жизненный код впервые натолкнулся на столь противоречивую переменную, не хотелось, но было необходимо. Все-таки ум в красивой обертке повесы звучал опасно... очень опасно!

Элис прижала к щекам ледяные руки и попыталась затормозить вихрь эмоций. На самом деле она искренне не понимала, почему профессор вдруг вспомнил про их мимолетное знакомство. Элис была уверена, что не ошиблась. Интонация, мимика, черт его дери, даже сама формулировка просто орала: он запомнил, узнал. Но что с того? Да, намеки казались смущающими, весьма неправильными и почти неприличными. Но, возможно, Эл следовало усмирить воображе-

ние, растормошенное вчера словами дядюшки Клауса. Ведь что, собственно, произошло? Мужчина предложил довезти девушку до дома в четыре часа утра. Благородный поступок! Профессор посоветовал не пренебрегать помощью. Дельное замечание, как ни крути! Все довольно очевидно, и в то же время Элис не покидали сомнения в двойном смысле каждой сказанной фразы. Их диалог явно шел между строк, на низывая подтекст на намек. Но... зачем?

Она нахмурилась, однако додумать важную мысль не дала Мел. Они с подругами окружили Эл словно стая бешеных пчел и пустились назойливо гудеть в уши.

– Элли! Элли-трелли, – проникновенно начала Мелани и вновь взяла ее под руку. Что за страсть к прикосновениям и коверканью имен? – Как было хитро с твоей стороны умолчать, что ты знакома с профессором Риверсом.

– Что? – Эл поражено уставилась на компанию, а сама с ужасом просчитывала варианты, откуда те могли вызнать о встрече в «Вальхалле».

Мел закатила глаза и собралась уже заговорить, но стоявшая рядом Кэтрин сдула с глаз рыжую челку и рассмеялась. А Эл не могла отвести от нее взгляд. Это что, подводка? Стрелки? Матерь божья, да что со всеми случилось?! Она знала их почти шесть лет, но еще никогда не видела настолько... настолько прихорошившимися.

– Вот только не вздумай отнекиваться! – Во вторую руку так же впились отполированные ногти Кэт, и Элис почув-

ствовала себя в ловушке.

– Я не понимаю, о чем вы... – Попытка спустить разговор на тормозах выглядела откровенно жалко.

Уж эта особа всегда выглядела отлично: идеально прямые пшеничные волосы вызывали желание к ним прикоснуться, а карие глаза в свое время не оставили равнодушными даже отчаянных гиков. К сожалению для самоуверенных ухажеров, с мозгами у Аннет тоже все было в порядке. Так что в особо одинокие и грустные минуты Элис втайне завидовала очаровательной и веселой однокурснице, потому что сама о таком внимании могла только мечтать. Вредный характер и весьма посредственная внешность делали свое дело. Тем временем Аннет встала перед жертвой и уперла руки в бока.

– Мы не тупые. Все стало ясно уже в первую минуту, как только Риверс не выгнал тебя из лектория. Где это видано! Молча стоял и умилялся, как ты пускаешь во сне слюни. Боже, да весь факультет в курсе, что такое пренебрежение дисциплиной профессор прощает только своим любимицам.

Аннет многозначительно подвигала идеальными бровками, выделив голосом последнее слово, и сомнений в пошленьком смысле попросту не осталось. Что?! Они же не могут всерьез думать... О черт! Элис открыла рот. Затем закрыла. И видимо, на ее лице появилось настолько характерное выражение шока, что это немного отрезвило компанию девиц.

– Смотрите, девчонки. – Мел удивленно всплеснула ру-

ками и наконец отпустила локоть жертвы. – Кажется, Эл и правда не понимает, о чем мы.

– Абсолютно, – сквозь зубы процедила та, чувствуя, как заливает щеки краска гнева. Получается, эти курицы действительно решили, что она – святые угодники! – спит или собирается спать с профессором? Да они охренели! Гнев накрыл волной, и Элис заговорила тихо и зло: – Но благодаря вашим ужимкам уже догадалась. И хочу сказать, что я здесь для того, чтобы учиться, а не трахаться с преподавателем ради хороших оценок, сданного зачета или сомнительного развлечения! Это Массачусетс! Или вы в своих затуманенных гормонами мозгах уже позабыли, где учиться? Позади вас стоит толпа, которая спит и видит, чтобы занять на аудиторной скамье ваше тепленькое местечко. Хочется вылететь с записью в личном деле? Приводов в полиции мало? Ну так вперед! Раздвигайте шире ноги. Можете прямо здесь, все равно он сейчас выйдет, так хоть сможет по достоинству оценить ваши усилия при дневном свете.

Она обвела взглядом притихших от такого напора девушек и устало продолжила, желая раз и навсегда закрыть вопрос:

– Оставьте при себе свои домыслы. Я видела его вчера у дяди в клубе и понятия не имела, кто он такой. Профессор из вежливости – и только из вежливости! – предложил после смены довести до дома. Я отказалась. Все! – Однако это было не все. Но Эл скорее язык бы себе откусила, чем поделилась

произошедшим хоть с кем-нибудь. Вся ситуация казалась слишком смущающей, а после сегодняшней лекции – унижительной. Так что она просто наигранно вздохнула. – Спусти-тесь с небес на землю или прекращайте читать бульварные романчики. Каникулы закончились, пора прекращать реаль-ные или воображаемые потрахушки. Вы ведете себя амо-рально.

– Да ты, оказывается, ханжа! – с веселым удивлением вы-дала Мелани, на которую, кажется, проникновенная речь со-всем не подействовала. Элис захотелось удариться головой о дерево, рядом с которым она все еще стояла. Подозрения, что мозги Мел расположены где-то в вагине, укрепились.

– Я. Не. Ханжа. Просто держу свое либидо при себе, а не тычу им каждому встречному мужику в лицо!

Нет, они все-таки ее достали. Элис круто развернулась, резким рывком высвободила руку из цепких пальчиков Кэтрин и стремительно направилась прочь от этого враз по-глупевшего сборища озабоченных девиц. Рядом с ними IQ всей улицы начинал стремительно падать.

Сзади раздался чей-то оклик, но Эл лишь отмахнулась. Она спешила убраться подальше от кампуса, боясь сорвать-ся, если заговорит с кем-нибудь еще. К тому же усталость придавливала к земле и грозила вколотить по колено в ас-фальт, словно на плечи водрузили тектоническую плиту. Под правой лопаткой ожидаемо противно заныло, тут же вызвав ломоту где-то в груди, и неприятная боль расплзлась по

уоставшему телу. Элис осторожно вздохнула. Нет, Джо однозначно прав со своим докучливым бубнежом. Ей срочно надо взять себя в руки и наконец-то выпасться, иначе риск попасть в больницу с очередным кризом будет уже не гипотетическим. Последний курс и больное сердце – понятия совершенно несовместимые в суровых реалиях МТИ. Этот университет не зря прозвали раем для чокнутых гениев и адом для остальных. Но у Элис не будет второй попытки ни сдать экзамены, ни выжить. Придется как-то умудриться все совместить.

Эл торопливо шагала по Вассар-стрит, пока набирала сообщение для О’Нили с предупреждением не ждать ее сегодня у Хиггинса. И по-прежнему пялилась в телефон, когда завернула на Портленд-стрит, где обычно толклись таксисты. Остановилась Элис лишь на пешеходном переходе, который оказался занят группой странно одетых велосипедистов. Похоже, соседний Гарвард решил устроить парад. Опять. Но когда Эл уже вознамерилась перейти проезжую часть, перед ней неожиданно и резко, лишь чудом не задев, затормозил черный матовый автомобиль. С душераздирающим визгом шин он начертил на асфальте четыре черные полосы, прежде чем остановился. Элис испуганно отшатнулась. С губ сорвалось отнюдь не богоугодное выражение, и в это же мгновение разношерстная уличная толпа в едином порыве повернулась в сторону лихача...

С удивлением взглянув на идиота, что в такой час гонял

по тихим улочкам Кембриджа, Элис почувствовала, как ее и без того несчастное сердце болезненно дернулось. Чертов мудака! Опять! За какие грехи этот день стал еще паршивее? Еле сдержавшись, чтобы не закатить глаза, Эл уставилась на машину напрямиком из самого ада. Оставалось только осенить себя крестным знаменем и помолиться, дабы самовлюбленный говнюк не сморозил очередную двусмысленную гадость на всю Портленд-стрит. Это же ей потом вовек не отделаться от идиотских шуточек. Тем временем секунды капали одна за другой, а Элис стояла и пялилась на черного четырехколесного зверя, совершенно не представляя, что же теперь делать. Наконец стекло «Мерседеса» медленно опустилось, и взору предстал Джеральд Риверс с невероятно самодовольным выражением лица. Козел!

Злость, тлевшая после разговора с Мелани и остальными идиотками, вспыхнула новым пламенем. Элис сторала в собственном гневе и стыде, потому что теперь свидетелями отвратительной сцены будет не только кучка студентов в закрытой аудитории, но и минимум сотня зевак! Надо же так сглупить! Только сейчас Эл поняла, что лучше всего было уйти. Следовало немедленно отвернуться и раствориться в разношерстной толпе. Однако время было упущено. Она стояла напротив уродской машины и смотрела в самые страшные в мире глаза. Дав себе мысленного пинка, Эл раздраженно уставилась под ноги.

– Вас подвезти, мисс Чейн? – Донесшийся голос электри-

ческим ветром поднял на теле все до единого волоски.

Эл едва не зашипела. Гаденыш, без сомнений, прекрасно владел речевым аппаратом. Его идеально тактичные нотки предложения почувствовались даже в жалких четырех словах. И будь профессор еще чуть больше тщеславен, он непременно занес бы их в хрестоматию для обучения малолетних пикаперов. Впрочем, Элис не сомневалась, что ни один человек в мире не произведет такого эффекта всего лишь одной мелкой фразой. Увы, набор генов Джеральда Риверса был уникален и неповторим.

Обо всем этом наверняка догадывался и он сам, потому что, небрежным взглядом окинув притихшую улицу, вновь с пластиковой улыбкой уставился на мисс Чейн. И Эл показалось, что замерли даже вездесущие мухи. Все насторожились в предчувствии скорой развязки, возможно, кровавой, и раздражение чуть ли не потрескивало в воздухе. Однако прошла секунда, затем вторая, и Эл вдруг поняла, что ей просто необходимо быть выше этого. Она не даст ни одного шанса на устную провокацию. Даже если от того, как именно профессор выделил ее имя, захотелось дать ему в рожу или плюнуть на капот эпатажной тачки. Желательно серной кислотой. Но Эл лишь молча посмотрела в чудовищно бесцветные глаза, где провалами чернели расширившиеся зрачки, и все так же, не произнеся ни слова, медленно подняла правую руку с оттопыренным средним пальцем.

Пантомима была понята верно, потому что уже в следую-

щую секунду космический ублюдок рассмеялся и вдавил педаль газа в пол. Бешеный носатый монстр взревел двигателем и сорвался с места, стремительно унося своего владельца в горячее марево августовского заката.

– Ненавижу... – процедила Элис, пока смотрела вслед быстро удаляющейся черной точке. – Как вселенная вообще умудрилась породить такое?

Толпа безмолвствовала.

* * *

На следующий день перед дневной лекцией по квантовой оптике Элис забежала в лабораторию профессора Хиггинса. Пора было обозначить фронт работ на год и определиться с докладом на спонсируемой самыми престижными работодателями Кремниевой долины грядущей конференции по биотехнологиям. Заявку туда они подали еще весной, и вот недавно пришел ответ – их статья принята.

Работать с Хиггинсом было легко и приятно. Рыжеволосый, костлявый профессор-душка с удовольствием общался со студентами и к своим сорока годам был все еще не женат, за что не уставал благодарить небеса, пока неделями пропадал на конференциях и симпозиумах. И хоть по меркам университета Хиггинс был достаточно молод, увидев его бледную, заросшую щетиной физиономию в первый раз, их курс дружно дал новому преподавателю все прожитые им годы, а

потом накинул сверху еще десяток. И каково же было всеобщее удивление, когда выяснилось, что разница между ними не так уж и велика! Впрочем, и та дюжина лет совсем скоро стерлась, оставив за собой только уважительное обращение «профессор». В общем, невысказанным научным ветром занесенный в Массачусетс профессор Хиггинс быстро стал объектом всеобщей студенческой любви не только за свое меткое чувство юмора, которое так ценили юные гики, но и за поразительное человеколюбие. Однако даже у него бывали неудачные дни, когда характер брал верх над строгой натурой. И тогда профессор превращался в порядочную язву, ненавидел чопорную Новую Англию, а от каждой его шуточ-ки несло кладбищенским душком.

Элис считала его историю довольно забавной. Как потомственный военный инженер Хиггинс несколько лет отработал на британскую службу разведки, прежде чем однажды утром почувствовал ярый пацифизм. Ирландская кровь немедленно возжелала революционных перемен, и форменная стрижка сменилась на бесформенные светло-рыжие лохмы, а строгий и вынужденно скупой на слова офицер неожиданно обнаружил себя восхитительным лектором. Хиггинс был очень хорош. Он стремился передать знания с той же страстью, с какой в свое время жаждал воцарения мира. И Элис искренне считала, что таких преподавателей больше нет. Живая речь и фанатичная увлеченность предметом завораживали настолько, что спустя всего пару лекций к про-

фессору выстроилась очередь из желающих писать под его началом выпускную работу. Но вечно занятый Хиггинс выбрал только двоих. И как же была удивлена Элис, когда из десятков не менее талантливых однокурсников он указал именно на нее. И на Джошуа. Но у этих двух мужчин была совершенно особенная атмосфера с запахом канифоли, припоя и горячего пластика. Фанатики текстолита, они точно втайне принесли клятву верности на справочнике номенклатуры резисторов.

И потому совершенно неудивительно, что однажды обсуждение технологических новинок привело этих двух в клуб дядюшки Клауса, где их и обнаружила Элис. Студент и преподаватель умудрились напиться до состояния полной потери сигнала между мозгом и двигательным центром. Точнее, в таком состоянии был Джошуа. Профессор Хиггинс, имея знаменитую ирландскую печень, оказался чуть более вменяем. Он успел просветить Элис, что ее чернокожий приятель оплакивал расставание с очередной пассией, после чего отрубился прямо за столом. Очнулся дражайший руководитель уже в их квартире на крошечном диване, мучаясь дикой головной болью, стыдом и любопытством. Именно в тот вечер профессор стал вторым человеком, поверенным в секрет О'Нили. Не то чтобы друг детства скрывал свои предпочтения, нет. Просто не считал нужным орать об этом на каждом углу. После этого случая Хиггинс часто присоединялся к компании, состоящей из Джо, Элис и ее коллеги по

«Вальхалле» – Триши. Он же привел к ним аспирантку Генри Келль – единственное живое существо, кто мог навести порядок в совершенно бессистемных завалах бумаг занятого профессора. Все вместе они играли в покер, выбирались в свет и несколько раз устроили тур в «Монополию».

Так что в этот день, как и сотню раз до этого, Элис открыла тяжелую деревянную дверь, что вела в лабораторию профессора, и, преисполненная радостным предвкушением встречи, шагнула вперед. В конце кишкообразного, заставленного компьютерами и разномастными стульями помещения притаился кабинет Хиггинса. И здесь все было по-старому: валялись неопознанные микросхемы, пучки перепутанных проводов, а столы покрывали множественные пятна от кислотных растворителей. С тайным трепетом Элис вдохнула запах канифоли и раскаленного металла, что круглогодично витал в местной аудитории и теперь плотно ассоциировался с научным руководителем. Тот, кстати, нашелся за одним из специальных вытяжных стендов, склоненный над очередной печатной платой.

– Добрый день, профессор, – лучезарно улыбнулась она.

– А, вот и ты! – Хиггинс устало потянулся. Кажется, его бледное лицо за лето так ни разу и не увидело солнца. Он растянул губы в улыбке и снова сгорбился над столом, вооружившись паяльником с каким-то хитроумным жалом. – Рад тебя видеть. Как начался семестр?

– Вполне неплохо. – Элис пристроилась рядом на высоком

стуле, наблюдая, как аккуратно и точно попадает на контакт припой. – Как прошла конференция в Венгрии?

– Уныло. – Профессор поморщился, но тут же поднял ласковый взгляд своих зеленоватых глаз. – Видел, ты выбрала курс Джеральда – похвально, весьма разумно и полезно.

Элис недоуменно посмотрела на своего руководителя. Что за новости? Профессор никогда не позволял себе подобных фамильярностей, по старой военной привычке свято соблюдая строгую субординацию. Кроме... Что же, Элис и Джошуа, по всей видимости, были не в счет, как и Генриетта. Хиггинс же истолковал ее недоумение по-своему.

– Профессора Риверса, – пояснил он.

Уточнение вышло излишним. Ни за что на свете Элис не забыла бы столь необычное сочетание. Джеральд Риверс. Обманчиво-мягкое, лживо-нежное сперва и хлестко-раскатистое в конце. Р-р-риверс. Как никто другой, этот мужчина соответствовал своему имени. Даже здесь ощущалось чертово двойное дно.

– Элис?

Она вздрогнула, осознав, что слишком задумалась, и профессор ждет ответа.

– Все... в порядке, – наконец удалось ей выдавить из себя пару слов, проигнорировав замечание о главной головной боли последних двух дней. Элис выдохнула, взяла себя в руки и продолжила уже спокойным тоном. – Пришла узнать, что у нас по планам с конференцией.

– Как твое самочувствие? – ответно проигнорировал слова Хиггинс. – Джошуа сказал, твои боли...

– У него слишком длинный язык, – зло перебила Элис, скорее по привычке, чем из-за настоящего раздражения. В конце концов, профессор столько раз становился свидетелем маленьких приступов...

– Он волнуется. – Хиггинс помедлил секунду, словно раздумывая, сказать или не сказать что-то еще, и неожиданно добавил: – Я тоже.

И в этот момент Элис почувствовала, как внутри разлилось приятное тепло. Вот он – Мэттью Хиггинс! До фанатизма заботливый и сострадательный человек, который нес добро каждую минуту своего существования. И все же Элис покачала головой.

– Я благодарна вам обоим за заботу, честное слово. Но способна разобраться сама.

– Доктор Чен так не считает. Мы тоже. Эл, ты же знаешь, что всегда можно попросить субсидию, чтобы за счет университета провести хотя бы малую операцию. Уверен, комиссия одобрит запрос...

Этот вопрос профессор и Джо поднимали каждые полгода. И пусть они особо не надеялись на согласие упрямой мисс Чейн, но все равно не оставляли попыток.

– Нет, – жестко отрезала она в очередной раз. – Грантов с моих проектов хватает, чтобы компенсировать затраты университета на обучение, но вряд ли они захотят тащить бал-

ластом больную девчонку. На мое место всегда найдутся более перспективные.

– Не городи ерунды! – неожиданно вспыхнул Хиггинс. – Ты – ценное приобретение для Массачусетса, да и в комиссии сидят адекватные люди, которые войдут в положение. Но если и нет, ты всегда можешь рассчитывать на мою помощь и...

– Сэр, – устало проговорила Элис, – я ценю, что вы переживаете за меня, но брать ничего и ни у кого не стану. Во-первых, это дело только мое. Во-вторых, вы даже не представляете, какая там сумма.

Она мягко улыбнулась и, не дожидаясь ответной реплики, сменила тему.

– Так что с конференцией?

Профессор понял, что продолжать разговор бессмысленно, растерянно почесал светло-рыжую бровь и сдался.

– У тебя будет стендовый доклад. Готовим постер.

– А почему не устный? – удивилась Элис, а сама попыталась стянуть уже прилипшую к влажному телу верхнюю кофту, чтобы остаться в одной футболке. С удивительной августовской жарой не справлялся даже мощный кондиционер лаборатории. Тяжелый взгляд, которым профессор Хиггинс задержался на просвечивающих сквозь тонкую кожу венах, остался незамеченным.

– Тебе предстоит многое доделать в программе, и лишние вопросы к работе пока неуместны. Сама понимаешь, проект

спонсирует отдел из NASA, а они – товарищи скрытные. – Он вздохнул, дав понять, что предпочел бы с блеском показать их с Элис детище, но... но... Всегда эти условности и секретность.

– Без проблем, – примирительно подняла руки Элис. Она и не думала настаивать. В конце концов, профессору виднее. И Эл уже собиралась сказать это и кое-что еще, но Хиггинс успел первым.

– Ах да. Я уже говорил, что рад твоему выбору?

Она удивленно моргнула.

– Сэр?

– Курс профессора Риверса.

И Элис едва поборолла желание досадливо хлопнуть рукой по столу. Это заговор, что ли? Ни разу за все пять лет она не слышала этого имени, не видела этого человека, вообще не знала о нем. Но уже второй день подряд неоднократно сталкивалась с проклятым типом не только вживую, но и в разговорах. Ее очередная лекция у чудного профессора только закончилась, отчего Эл казалось, что легкие еще долго будут пропитаны витающим в аудитории ароматом. Тем временем Хиггинс задумчиво постучал по столу рукояткой паяльника и проговорил:

– Нам может потребоваться его помощь на последнем этапе, если ты все-таки решишь зафиналить идею и напишешь собственный искусственный интеллект. Тебе предстоит делать анализ каждого гена, чтобы внести его в библиотеку, а

без нейросети программа не справится.

Элис почувствовала, как внутри что-то сжалось. Нет, скорее она съест собственную выпускную работу, чем обратится за помощью к Риверсу. К кому угодно, хоть лично приедет в клинику Мэйо⁸, но только не к нему!

Видимо, весь спектр испытываемых эмоций слишком отчетливо отразился на ее лице, потому что профессор отложил паяльник и удивленно проговорил:

– Так, Эл. – Он откинулся на спинку кресла и пристально посмотрел на свою подопечную. – Я, конечно, не полиграф, но и ты не игрок в покер. В чем дело?

– Абсолютно ни в чем, – нагло соврала она, пряча взгляд. – Думаю, я справлюсь сама.

– Ты еще ни разу не писала на языке искусственного интеллекта, – резонно заметил Хиггинс. Он пока не переходил в активное наступление, но уже пристально разглядывал напряженную Элис.

– У меня будет целый семестр, чтобы научиться примитивным алгоритмам, – не сдавалась она.

– Но успеешь ли ты дописать программу к защите? – Рыжие брови вопросительно взлетели вверх.

– Успею! – Элис кивнула для большей убедительности.

А что она могла ответить? Эл прекрасно понимала, что подобное поведение выглядит слишком странно, но ничего не могла поделать. Нежелание хоть как-то контактировать

⁸ Одна из крупнейших частных научно-исследовательских клиник США.

с профессором Риверсом оказалось сильнее здравого смысла. Да ей же кошмары попеременно с эротикой полгода будут сниться, если она согласится принять эту помощь!

– Не знаю, чем обусловлено твое упрямство, – вздохнул руководитель и устало потер глаза. – Честно говоря, я очень удивлен. Джеральд – великолепный специалист и может помочь усовершенствовать твою программу. Он не раз работал с биотехнологами...

– Вы называете его по имени, – неожиданно перебила Элис, отчего сбитый с толку Хиггинс моргнул, но все же ответил.

– Я знаю его шесть лет. Наши выпускники всегда работают вместе, у нас много общих проектов, а еще... мы друзья. В некотором роде.

На последних словах профессор непроизвольно поморщился, а Эл рассмеялась.

– Как-то вы не испытываете особого воодушевления.

– Джеральд – сложный человек...

– Да ну? – не удержалась она от ехидной ремарки. Хиггинс притворно сердито зыркнул в ее сторону и скрестил руки на груди.

– Так, ну-ка рассказывай. До тебя, конечно же, дошли все слухи и легенды, что который год подряд блуждают среди наших студентов.

– Слава летит впереди него, – кивнула Элис. – Разумеется, я не собиралась верить каждому слуху, что доносится от не

слишком умных индивидов...

– Это правда, – не дал договорить профессор.

– Что? – Элис даже растерялась от такого заявления.

– Все правда. Все, что ты слышала, – правда.

Говоря честно, Эл ожидала многого. Например, что наставник будет отрицать нелепые домыслы или начнет выгораживать друга. А может, вообще не станет поднимать эту тему. Но вместо этого Хиггинс просто признал, что Джеральд Риверс – редкостный моральный урод, беспринципный хакер, богатенький транжира и любитель молоденьких студенток.

Элис нервно вдохнула. Что же...

Вау.

Не сказать, что в своей уютской жизни она часто встречала таких. Ха! Наоборот! Отчего-то захотелось рассмеяться. Узнай о Джеральде Риверсе матушка Агнесс, и не вылезти ему из пожизненных епитимий. Ибо где же видано, чтобы человек нарушал столько заповедей одним своим существованием! И развеселившаяся от мысли, как лощеный профессор будет покаянно зачитывать вслух Евангелие, Элис неожиданно ляпнула:

– Почему никто не заявлял в полицию?

– На кого? – не понял Хиггинс.

– На Риверса.

– Побойся бога, – хохотнул он и почесал рукой изрядно отросшую бородку. – Им все довольны: правительство, уни-

верситет и лично его глава – президент Коэн. Опять же, девушки... Что бы Джерри ни делал, он делает это прекрасно.

Элис непроизвольно сморщилась, услышав показавшееся кощунственным уменьшенное имя профессора. Прозвище мультяшной мыши совершенно ему не подходило.

– Это очень... своеобразный комплимент.

– Нам с тобой может многое не нравиться, но свою жизнь каждый имеет право проживать так, как считает нужным. До тех пор, пока он приносит деньги, все будут закрывать глаза на его проделки. Тем более, повторю, про недовольных я не слышал.

– Это отвратительно!

– Тебе не идет ханжество, Элис.

– Я не ханжа!

Вот уже который раз люди почему-то считают, что дело исключительно в интимной составляющей личности чертова Риверса! Как будто ей есть до этого дело. Элис вздохнула.

– Я видела его в клубе у дяди еще до начала семестра, знаю, что он собой представляет. Где секс на одну ночь, там и алкоголь. Не удивлюсь, если и наркотики. И что станет с ним через несколько лет такой праздной жизни? Не буду спорить с вами, он имеет право жить так, как хочет. Просто мне обидно за такое бессмысленное растрачивание потенциала.

– Он ничего не растрачивает. – Руководитель отвернулся обратно к своей плате, взял в руки паяльник и договорил. А Элис показалось, что он сам не рад тому, о чем при-

ходится рассказывать. Видимо, минутой раньше ирландская горячность опять вылезла вперед еврейской расчетливости. Но все же Хиггинс произнес: – Как бы он себя ни вел, что бы ни делал, Риверс никогда не позволит веществу одурманить свой мозг. Он говорит, это самое дорогое, что у него есть. Да, возможно, я не одобряю его слишком фривольное поведение. Но он об этом прекрасно знает и в моем присутствии сдерживается. Даже и не сосчитаю, сколько раз Джерри спасал мои проекты, когда я уже лез на стены от безысходности. Молча приносил готовое решение, а в последний раз сам взялся за паяльник и до трех утра помогал доводить прототипы до ума. Я и не знал, что он умеет! Так что друг из него тоже отличный. Хотя характер, конечно, дерьмовый.

Вот как. Элис мысленно хмыкнула. И душа-то у Риверса отзывчивая, и мастер на все руки, а еще гений с избирательно высокими принципами. Эл почувствовала, что ее замутило. Еще парочка таких сомнительных дифирамбов, и она сама проникнется восторгом к профессору вопреки предостережениям Клауса и собственным ощущениям. Прямо послушать, так Риверс – сверхчеловек, а не простой смертный. Хотя на все было одно логичное объяснение. Доброта Хиггинса, похоже, опять сыграла с ним злую шутку. Но невозможно же заблуждаться насчет одного человека столько лет?

– А про покер обидно было, – заметила Элис шутливо, выводя разговор из опасного русла. – Кстати, мы собираемся по четвергам возобновить наши встречи в «Вальхалле». Прихо-

дите, составите нам компанию. И тогда посмотрим, кто из нас плохой игрок.

Хиггинс неожиданно отложил паяльник и, не поворачивая головы, сказал:

– Эл, если у тебя возникнут какие-нибудь проблемы с Риверсом, пожалуйста, не стесняйся и скажи мне.

Фраза вышла настолько неожиданной и прозвучала так серьезно, что Эл невольно взглянула на профиль сидящего перед ней мужчины и нахмурилась. Хмурился и Хиггинс. Его губы были плотно сжаты, а невидящий взгляд устремлен на микросхему. С чем была связана такая резкая перемена настроения, Элис не могла даже представить. Что за чертовы мистификации? Бесконечная Хиггинсова дуальность начала утомлять.

– Хорошо, – просто ответила она, зная, что никогда не воспользуется этим предложением. Несмотря на дружбу, жаловаться одному преподавателю на другого казалось унижительным и недостойным. – Так что насчет четверга?

Хиггинс все же повернул голову, пристально взгляделся в лицо Элис, будто хотел что-то увидеть, а затем кивнул.

– Заметано. Прихвачу Генри, если она будет не занята.

Уже позже, дома за просмотром конспектов, Элис неожиданно для себя вдруг задумалась: а не намекал ли на что-то профессор? Хотя какие проблемы могут возникнуть с преподавателем, пускай даже немного эксцентричным? Судя по прошедшему занятию, лектор из говнюка вышел великолепно.

ный, а спор получился интересным и продуктивным. Даже сам Риверс сегодня пугал чуть меньше. Ни в какое сравнение с тяжелым понедельником, хоть глаза его по-прежнему нагоняли жути. Элис поежилась, попробовала вновь сосредоточиться на конспектах, а потом снова подняла рассеянный взгляд. Нет, что-то было не так. Несмотря на все рациональные доводы, не покидало ощущение, что Хиггинс пытался о чем-то предупредить. Только вот намек раз за разом ускользал, вынуждая нетерпеливо вертеться на стуле. О, да будь прокляты эти мужчины! Почему нельзя выразаться конкретнее?

Глава 4

Первое утро сентября принесло с собой свежий ветер и бесконечно синее небо. Еще вчера удушающая жара давила на задыхающийся в пыльном мареве город, а сегодня кристально чистый воздух будто бы напевал в предвкушении чего-то нового. Среда пролетела для Элис совершенно незаметно в вихре обычных забот, проектов и выпускной работы. Настало утро четверга, а вместе с ним проснулось предвкушение приятного вечера в отличной компании. Джошуа, естественно, еще спал, когда она вышла из квартиры. Прохладный влажный муссон бодрил, наполненный ароматом свежей выпечки и кофе из соседней растаманской булочной. Элис жадно вдыхала эти запахи, направляясь к автобусной остановке. Сегодня времени было достаточно, и она вполне могла насладиться утренней пробкой под чудесную музыку и кофе без кофеина. Настроение было отличным: лето закончилось, она выспалась, сердце не болело, и уже второй день никакого профессора Риверса. Жизнь, ты бываешь так ошеломительно прекрасна! Даже пробка на мосту Лонгфелло показалась Элис незначительной по сравнению с ее обычными масштабами. А потому в здание на Вассар-стрит, где располагалась многофункциональная исследовательская лаборатория электроники, она вошла раньше намеченного. Коротко поздоровавшись с дежурными лаборантами в аудито-

рии биотехнологий, она уселась на свой любимый высокий табурет, достала ноутбук, тут же подключая его к цифровой установке, и натянула нитриловые перчатки. Итак...

Благодаря успехам в инженерии Элис получила возможность проводить опыты на одной из самых продвинутых экспериментальных кафедр института. Ее заказчики из NASA полностью оплачивали все необходимые изыскания, так что она могла позволить себе арендовать оборудование для непрерывных исследований. Аудитория, где в прошлом году Элис проводила каждую субботу, была большой и светлой. Удачно сочетая в себе лекционный уголок и стенды для различных приборов, она была оснащена всей возможной аппаратурой, которая могла потребоваться студентам.

Заняться разработкой базы для секвенирования генов в свое время предложили Хиггинсу. Однако тот был слишком занят своими текущими проектами и потому решил поручить задачу Элис. Это случилось на третьем курсе, который стал отправным в их долгом и плодотворном сотрудничестве. Разумеется, вначале она испугалась и всячески отказывалась от незнакомой темы, стуча зубами от самого страшного кошмара любого ботаника – не справиться. В конце концов, она всего лишь программист! Но руководитель мягко и настойчиво убеждал ее ознакомиться с проектом поближе, и спустя два месяца Элис обнаружила, что увлеклась открывшимися перед ней задачами. Не раздумывая, прямо посередине семестра она записалась на курсы по биотехноло-

гии, наноматериалам и клеточной инженерии, решив освоить две специальности сразу.

Тот год прошел как в тумане, пока она металась между занятиями, проектами и работой. Элис спала от силы по три-четыре часа, пока стремилась нагнать своих новых однокурсников, изучая предметы, которыми даже и не планировала когда-либо заниматься. Она была настолько воодушевлена и поглощена новыми знаниями, что не обращала внимания на нарастающие боли в сердце. Такое легкомыслие оказалось весьма опрометчивым, потому что однажды Элис свалилась с приступом прямо на планерке у Хиггинса во время презентации достигнутых успехов. По счастью, в тот момент Джошуа благополучно дремал рядом за компьютером и быстро сориентировался в развернувшейся панике. Наверняка все в тот момент показалось профессору чистым безумием: один его студент корчился на полу, а другой поспешно запускал на телефоне бодренький бит Stayin' Alive. Попутно Джо шарился по карманам Эл в поисках нитроспрея и пытался понять, есть ли фибрилляция.

Лежа несколькими часами позже в институтском госпитале, Элис еще долго выслушивала яростные вопли Хиггинса. Предатель Джошуа сдал подругу с потрохами, выдав полное жизнеописание мисс Чейн чуть ли не от момента зачатия. Руководитель тогда отбросил к чертям разницу в статусе, профессиональную этику и простое человеческое воспитание, едва ли не визжа на все отделение о безответственно-

сти Элис. Однако обижаться было не на что. Как можно сердиться на человека, в глазах которого еще недавно плескался страх? Мэттью Хиггинс был напуган до чертиков! В то время как сидевший рядом насупившийся Джо молча позволил профессору выплеснуть накопившийся адреналин. Взбучка от друга предстояла чуть позже, по возвращении домой.

Именно тогда стало понятно, насколько профессор восхитительный друг. Стоило Элис очутиться в обычной палате, как он принес необходимые книги и конспекты, передал пожелания скорейшего выздоровления от всех преподавателей. По просьбе руководителя заглянул даже куратор курса, пообещав решить вопрос с пропущенными лабораторными и тестами. Эл не знала, какими трудами и обещаниями Хиггинс смог убедить профессоров, что именно эта студентка заслуживает особого внимания. Они никогда не заговаривали об этом. Но ведь все знали, что в Массачусетсе было не принято тянуть отстающих... На самом деле, здесь даже смерть не считалась веской причиной пропустить какой-нибудь важный семинар. Учеба напоминала беспощадную гонку на выживание. Добрался до финиша? Справился? Отлично. Давай пошевеливайся и дальше. Не можешь? Или, не дай бог, устал... Тогда тебе стоит сменить университет. Желательно прямо сейчас.

Так что происшествие не заставило снизить темпы работы. Однако Джошуа и Хиггинс настояли, чтобы Эл регулярно проходила обследование в университетском медицин-

ском центре. Слава богу, страховка покрывала душеспасительные беседы с доктором Ченом и пачки лекарств. А раз в полгода Элис обвешивали датчиками, ставили на беговую дорожку или сажали на велотренажер и снимали все показания, которые только можно. К сожалению, выводы были неутешительны: врачи настаивали на операции, Хиггинс – на отдыхе, Джо – на смене лечащего врача. А бездушный аппарат УЗИ с каждым разом демонстрировал все большие размеры проклятого правого предсердия. Аномалия Эбштейна. Диагноз звучал чертовски неутешительно, но это не имело для Элис никакого значения. Какой смысл переживать, если она просто не в силах изменить обстоятельства? Денег на операцию нет, времени на нее тоже. Да никто и не будет целый год возиться с девчонкой, которая даже чихнуть без посторонней помощи не сможет. Дырка в груди не решит ее проблемы, а лишь создаст новые. Друзья это понимали, переживали, но сделать ничего не могли. И потому примерно с тех же пор в телефоне их дорогого профессора тоже поселилась прямо-таки судьбоносная песенка Vee Gees. На всякий случай.

Программа тихо пиликнула, выводя Элис из задумчивости, – предварительный анализ был закончен. Пальцы заскользили по клавишам ноутбука, запуская алгоритм отладки. На мониторе медленно вырисовывался сигнал прохождения молекулы через нанопору, и в который раз Эл поразила математической красоте невидимого мира. Она не ве-

рила в бога, зато верила в совершенство разума человека, его превосходство над самим собой. Какая же власть появилась у людей с возможностью влиять на собственный генный набор! И раз NASA и Хиггинс хотят интеллектуальную систему распознавания цепочек ДНК, они ее получают. Элис прекрасно обойдется без помощи Гениального Мудака. Черт возьми, она может написать все что угодно на чем угодно!

Сбегав после обеда на семинар по криптографии и получив очередной проект с перспективой защиты перед всей группой, Элис вернулась в лабораторию. С каждым следующим днем становилось яснее, что этот год будет еще более напряженным, чем предыдущий. Преподаватели считали своим долгом нагрузить студентов, чтобы в конце легко отпустить птенцов в свободный полет. Как успеть все на свете, Элис представляла слабо, но отказываться от маленьких радостей не собиралась. Иначе можно окончательно свихнуться, плотно подсев на антидепрессанты и стимуляторы, как это делала треть студентов магистерских программ и уж точно каждый второй первокурсник.

О, покер... Играть в одну из самых азартных игр Эл научил неунывающий Джо еще во времена жизни в приюте. За два вечера он написал примитивную программу, которая хоть и едва работала на старых компьютерах в их классе программирования, но свою задачу выполняла. Уже позже, познакомившись у Клауса в клубе с нечистой на руку бывшей крупье Тришей Ким, невесть каким образом ставшей одним

из администраторов в «Вальхалле», Элис окончательно погрузилась в увлекательный мир карт и блефа. Благодаря новой знакомой она узнала пару честных и куда больше нечестных трюков, научилась удачно сдавать карты и теперь почти превосходно владела лицом. К сожалению, все эти приемы не работали в игре с самой Тришей, чья дикая смесь корейской и эфиопской крови начисто лишала хоть каких-нибудь шансов считать эмоции, но можно было отыгаться на остальных.

Сначала они встречались за покером вдвоем, потом об этих посиделках прознал Хиггинс и привел Генриетту, с которой Элис сдружилась почти сразу. Две язвительные натуры просто не смогли пройти мимо друг друга. Так что весь прошлый год четверг был временем покера для их маленькой компании. Клаус знал об этом, и в эти дни в «Вальхалле» не устраивали шумные вечеринки. Кестер приглашал джазменов, оплачивал за счет заведения первый раунд напитков и оставлял друзей одних за самым отдаленным и тихим столиком. Элис не удивилась бы, узнав, что старый мафиози каждый раз втайне утирал скупую слезу растроганного наставника, пока смотрел, как его воспитанница попирала закон божий. Двойные стандарты преступного мира, что поделать...

Вот и сегодня, придя немного раньше остальных, она расцеловала названного дядюшку в пухлые щеки, достала фишки с колодой карт и направилась к столику. Бог Один проводил ее благосклонным взглядом. Разложив нехитрое хозяй-

ство, Элис устроилась поудобнее на стуле в ожидании компании, которая снова опаздывала. Первым пришел вырядившийся в любимую футболку с эмблемой «Черного альбома» «Металлики» Джо. Он ругался с кем-то по телефону, но все равно клюнул подругу в щеку и приветственно махнул Клаусу и Аве. Приятель не скупился на бранные словечки, отчитывая собеседника, и Элис вздохнула. Кажется, Арнольд – нынешний приятель Джо – в очередной раз просадил где-то деньги и теперь клянчил их у О’Нили.

– Тебе пора заканчивать эту благотворительность, дорогой, – произнесла она, как только друг завершил звонок и в сердцах бросил трубку на белую скатерть.

– Я себе говорю это каждый раз...

– Но потом его смазливая мордашка и... погоди, как ты там говорил? Проникновенный взгляд океанской синевы снова давит тебе на жалость, – ехидно закончила Элис.

– Язва.

– Подкаблучник.

Они рассмеялись, признавая правоту друг друга. Эл действительно часто бывала резка, а Джо – западал на блондинчиков. Хотя в этот раз, похоже, все было всерьез.

– Какие новости к этому часу? – спросила она, тасуя колоду. О’Нили откинулся на спинку стула и сцепил руки за головой.

– Я в полной учебной жопе, – пропел Джо, глядя в потолок.

Элис протянула открытую ладонь.

– Дай пожму твою руку, брат. Понятия не имею, как все успеть.

Они с самыми трагическими лицами скрепили общую беду, после чего беседу прервал Хиггинс, явившийся в компании Генри. Элис вновь восхитилась, насколько в Келль было невероятно все: ум, красота, фантастический рост и ненависть к собственному полному имени. Любого, кто осмеливался его произнести, ждала буря от разъяренной валькирии. Мужчины тем временем пожали друг другу руки, а аспирантка опустила на стул рядом с Элис и устало сдула с глаз белокурую прядку.

– У меня сегодня была первая в жизни лекция, – поделилась она драматическим шепотом. – Думала, буду заикаться точно припадочная, но обошлось.

– Ого. У первокурсников? – Элис уважительно посмотрела на подругу.

– Не-а. – Генри закинула в рот жвачку. – Бери выше – второй!

Она подняла палец, показывая всю значимость этого события, потом не выдержала и прыснула. Элис улыбнулась в ответ.

– Так. – Генриетта ударила ладонью по столу, чем привлекла к себе внимание. И продолжила, когда все взгляды обратились к ней: – Мы начинаем?

– Триша, как обычно, будет позже, – ответила Элис, читая

только что пришедшее сообщение от Ким. – Начнем без нее, а там обнулим ставки.

– Идет, – кивнула Келль и забрала колоду. – Бегом за напитками, а я пока раздам.

– Раскомандовалась тут, – проворчала Элис, но покорно встала.

– Мне пива, – живо откликнулся Джо.

– И мне, – кивнули одновременно Генри и Хиггинс.

– До Октоберфеста еще целый месяц!

– Иди, женщина. – Друг детства в духе немецких традиций отвесил Элис смачный шлепок по тощей заднице, за что тут же получил оглушительный подзатыльник. После чего обиженная дева гордо удалилась к Аве. Заиграла музыка, и Элис счастливо вздохнула. Начинался хороший вечер.

* * *

– Поднимаю. – Генри выложила на стол две фишки по пятьдесят баксов.

– Я пас. – Элис положила карты и откинулась на спинку стула, чтобы оглядеться.

Они играли всего полчаса, а она уже успела продуть. И пусть ставки были мизерными, все равно стало обидно. Особенно когда Хиггинс в который раз усмехнулся.

– Вот видишь, Эл, ты совершенно не умеешь блефовать, – заметил он, выкладывая свои фишки на стол. – Поддержи-

ваю.

– Боюсь, и у вас, профессор, расклад не так хорош, как вы хотите показать, – откликнулась Триша, которая присоединилась к ним всего десять минут назад, но уже успела взять пару туров. И Элис коварно улыбнулась, предвкушая дедуктивные выкладки Ким. – Вы уже второй раз мусолите карту справа, словно раздумывая, сбросить ее или нет. При этом совершенно не трогаете две левые, значит, у вас там пара. Сейчас вы думаете, что если все же сбросить сомнительную, то может прийти еще одна, а может быть, даже триплет. Но вы бросили взгляд на фишки, оценивая банкролл и решая, сможете ли поддержать ставку. Значит, не уверены в своей комбинации и не сильно надеетесь на новую карту, но решили рискнуть. Полагаю, вы отчаянный сорвиголова, профессор!

– Я уже говорил, что больше не буду с ней играть? – ни к кому конкретно не обращаясь, заметил Хиггинс. Сам он не отрывал взгляда от карт, но по его губам скользила улыбка.

– Каждый раз, – хором воскликнули все и расхохотались, веселым гомоном перекрыв звонок телефона.

Хиггинс взглянул на ярко светившийся в полумраке клуба сотовый и вздохнул.

– Прошу меня простить, – повинился он, нажимая на экран для ответа. Остальные отложили карты и потянулись кто к напиткам, кто к чипсам, пока Хиггинс устало просто-на-простонал в динамик: – Ты видел, который сейчас час?..

Элис не сильно прислушивалась к разговору, наблюдая за потрясающим трубачом на сцене, но что-то заставило ее обратить внимание на доносившиеся реплики. Еще пара мгновений, и по спине пополз холодок.

– Нет, это что, так срочно?.. В смысле завтра... они же сказали... Вот дерьмо, ты почему раньше не сказал... Я не читаю почту, ты же знаешь, у меня для этого есть Генри. Когда ты отправил письмо... Риверс, ты достал! Если тебе так срочно надо, приезжай, и я поставлю свой автограф хоть на патентной заявке, хоть на твоём лбу... я в «Вальхалле», это... а, знаешь? Ну и хорошо... Нет, я не пьян. Не до такой степени, что не способен начертать крестик в графе подписи.

Хиггинс раздраженно кинул телефон на стол.

– Почему ты не сказала, что надо подписать заявку? – обвинительно обратился он к только что подошедшей Генриетте. Та спокойно взглянула на своего руководителя яркосиними глазами, в которых не плескалось ни капли опьянения, сделала глоток пива и медленно ответила.

– Я сказала, профессор. Мало того, даже положила на ваш стол и промаркировала желтым стикером с пометкой: «*На подпись*». Смею заметить, что и так выполняю обязанности секретаря без доплаты, а уж следить за вашим склерозом – точно не моя забота.

Преподаватель покраснел, а Элис закатила глаза. Каждый раз одно и то же. Несмотря на всю дисциплину, четкость и

организованность, Хиггинс держал личные бумаги в абсолютном хаосе.

– Мы уже можем продолжать? – недовольно спросил Джо, который тоже продул два круга подряд и жаждал взять реванш.

– Что, пришла хорошая комбинация? – Элис пихнула друга в бок и потянулась за своими картами, однако замерла на полпути, когда на стол упала чья-то тень. И будь Эл проклята, если не знала, кому та принадлежит.

Можно было даже не разглядывать причудливо искажившийся образ, потому что донесшийся аромат с головой выдал пришедшего. Господи, Риверс что, умел туннелировать подобно электрону? Перемещался со скоростью света? Владел гиперпространственными прыжками? Или у него карманная черная дыра? Какого черта он оказался здесь так быстро... Элис разрывало от тысячи вопросов, но пришлось резко себя одернуть, чтобы не выдать охватившее ее смятение. Она украдкой огляделась, поняв, что никто так и не заметил незваного гостя. И тогда, непринужденно откинувшись на спинку стула и лишь на секунду позволив себе слабость вдохнуть глубже, Элис высокомерно усмехнулась.

– Добрый вечер, профессор, – протянула она, все еще глядя исключительно в свои карты. Друзья же мгновенно отвлеклись от игры и вскинули головы.

О да. Восхитительный эффект, который Эл удалось подметить еще на лекциях, порадовал и сейчас. Где бы ни оказы-

вался Риверс, мир вокруг него застывал и покрывался изморозью. Он вымирал настолько, что сам профессор оставался в этом статичном пространстве абсолютного нуля единственной движущейся величиной. Ни вдоха, ни шороха. Ничто не смело нарушить покой, пока щелчком невероятных пальцев Риверс разгонял нужные ему молекулы чужих жизней. Присутствующие следили за ним кто с испугом, кто с завистью, а кто с течным восторгом, ведь Джеральд Риверс – венец природы. Эталон. А если короче – пафосный мудака.

– А, Джерри!

Хиггинс оттаял первым и привстал, чтобы пожать приятелю руку. И от внимательного взгляда Элис не укрылось, как дернулась щека Риверса в ответ на это наиглупейшее имечко. Похоже, у них нашелся еще один привереда. Тем временем подскочил Джо, и стало интересно, какие мысли пронесли в голове друга. Наверняка сравнивал увиденное со всеми слухами и домыслами, что витали вокруг загадочного профессора. У них еще не было возможности обсудить личность Риверса наедине, но после сегодняшнего вечера Эл не сомневалась, приятель от нее не отстанет. Она видела, как оценивающе блеснули глаза Джо, и усмехнулась. Прости, малыш, но этот парниша не из твоей команды, хотя... кто его разберет.

– Добрый вечер, – наконец мягко поздоровался Риверс и обвел компанию вымораживающим взглядом. Предусмотрительная Келль невозмутимо рассматривала свой маникюр. –

Бумаги, Мэттью.

Он протянул небольшой файл Хиггинсу и замер, спокойно ожидая, пока тот перестанет хлопать по карманам в поисках ручки. А Элис тем временем постаралась украдкой рассмотреть визитера, потому что они впервые оказались настолько близко друг к другу. И так... Риверс был одет в строгий костюм, который смотрелся несколько неуместно в полутемном и стилизованном под тронный чертог клубе. Из-за глухого абажура висевшая над столом лампа не могла разогнать мрак за пределами светового пятна. Красноватые отблески от факелообразного светильника рваными пятнами падали на профессора снизу вверх, переливались живым огнем и превращали того чуть ли не в Астарота⁹. И лицо его теперь напоминало обтянутый кожей череп с белыми пятнами радужки в провалах глазниц, что лишь усугубляло пугающее зрелище. Элис с трудом подавила нелепое желание прочесть «Отче наш» и сбегать за святой водицей.

Тем временем Риверс устал ждать, пока друг прекратит нелепые похлопывания, и одним плавным движением достал из внутреннего кармана пиджака ручку. Разумеется, перьевую.

– Профессор Джеральд Риверс, – ехидно протянула Генри и отсалютовала мужчине своим бокалом. – Не хочешь сыграть с нами?

Элис резко обернулась к подруге, бросая на нее испепеля-

⁹ Астарот – один из высших демонов в адской иерархии.

ющий взгляд. Черт возьми, она и не задумывалась, что Келль тоже знакома с этим ужасом на крыльях ночи. Однако Генриетта умело сделала вид, будто ничего не заметила, и радушно улыбнулась паршивцу. Обведя взглядом всю их компанию, он на лишнюю долю секунды задержался на недовольном лице Эл и искривил губы в коронной улыбочке.

– Ты, кажется, спешил, – заметил Хиггинс резче, чем следовало.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.